

МАРИОН ВУДМАН

ОПУСТОШЕННЫЙ
ЖЕНИХ. ЖЕНСКАЯ
МАСКУЛИННОСТЬ

Юнгианская психология

Марион Вудман

**Опустошенный жених.
Женская маскулинность**

«Когито-Центр»

1990

Вудман М.

Опустошенный жених. Женская маскулинность / М. Вудман — «Когито-Центр», 1990 — (Юнгианская психология)

В книге «Опустошенный жених» Марион Вудман предлагает свой взгляд на духовное развитие современной женщины. Основной внутренний конфликт зрелой женщины автор усматривает в искаженных отношениях с внутренней маскулинностью, этот конфликт лишает ее духовности и способности отстаивать истину. Такой разрыв внутреннего брака закономерно ведет к истощению внешних отношений и даже к отказу от них, к неизбежному разводу. Однако Марион Вудман указывает на пути восстановления творческого потенциала отношений жениха и невесты, для чего надо попытаться оживить и освободить маскулинную составляющую психики. Радикально изменяя представление о внутренней маскулинности как у мужчин, так и у женщин, книга намечает дорогу к более зрелым отношениям между ними.

Содержание

Введение	7
Глава 1. Избавление от дракона: убийство или жертвоприношение?	11
Убийство дракона, сотворение души и метафора	17
Глава 2. Волшебники, трикстеры и клоуны: проявление маскулинности в зависимостях и пристрастиях	27
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Марион Вудман
Опустошенный жених.
Женская маскулинность

Marion Woodman
THE RAVAGED BRIDEGROOM
Masculinity in Women

Перевод с английского: *В. И. Белопольского и В. К. Мершавки*

© Marion Woodman, 1990

© «Когито-Центр», 2010

* * *

*Посвящается моим родителям, Эндрю Д. Буа и Айле Дж. Финн.
Огромную благодарность также выражаю Россу Вудману, Дэрилу Шарпу, Кэтрин Энн Скиннер и всем, кто проходил у меня анализ.*

Марго Фонтейн и Рудольф Нуриев

Введение

Становится ли война полов в последнее время более ожесточенной? Влияет ли патриархальность на дистанцию между мужчиной и женщиной? Почему все усилия наладить отношения оказываются напрасными? Почему так важно понимать динамику бессознательного? Могут ли сны как-то помочь нашему исцелению? Эти и другие вопросы я постаралась осветить на страницах книги, которую вы сейчас держите в руках.

Будучи аналитиком, я каждую неделю имею дело с множеством сновидений, которые рассказывают мне мои пациенты. И хотя каждому из них образы сновидений кажутся сугубо личными, я вижу, что очень близкие и похожие образы возникают также в сновидениях других моих пациентов, а также участников семинаров, которые я проводила, разъезжая по всей стране от побережья до побережья. Когда я берусь исследовать ту или иную тему, то собираю материал двадцати-тридцати относящихся к ней сновидений. При этом я стараюсь определить, где находится заблокированная (и потому недоступная для Эго) энергия, как можно эту энергию высвободить и куда ее направить. Когда мне удастся понять, что стоит за определенным образным представлением, я выбираю конкретный сон, в котором отражены пути движения энергии пациента, концентрирую на них внимание, а затем проверяю свои выводы на сходных сновидениях. Хотя каждый сон уникален для сновидца, в нем обязательно проявляются архетипические паттерны, в которых прослеживается энергия, скрытая в коллективном бессознательном. Они указывают на возможные пути для изменения сознания.

Все сновидцы, о которых говорится в этой книге, за исключением одного, в течение последних пяти лет проходили анализ и занимались телесными практиками. Они осознали необходимость медитации, концентрируя внимание на образе, который бы позволил им найти скрытую исцеляющую энергию и ее потенциал и мог бы служить их проводником в повседневной жизни. Эти люди овладели искусством интерпретации собственных сновидений. И хотя порой им требовался сторонний взгляд, чтобы помочь очистить символ от личного материала, в целом они могли ощущать и понимать содержание своего сна и – главное – с уважением относиться к непостижимым для них таинствам.

Многие сновидения, особенно те, которые приходят из архетипических глубин, напоминают классические драмы. В этих мировых впадинах рождается и истинное искусство, которое имеет определенное сходство со структурой, образами и языком сновидений – подобно фотографии реально осознаваемой ситуации, сделанному из бессознательного.

Утверждается, что во многих сновидениях современных людей, как и во многих произведениях искусства, содержится «груда обломков былых изваяний», пришедших из фрагментированного архетипического поля и обнаруживающих сходство с картинами, описанными в поэме Т. С. Элиота «Бесплодная земля» или в романе Д. Джойса «Улисс». Эти «обломки» проявляются на подпороговом уровне. Считается, что при переходе сновидения из сферы бессознательного в сферу сознания оно теряет часть своей энергии на подпороговом уровне, и потому, как отметил Элиот, слишком внимательное чтение иногда может больше мешать, чем помогать восприятию поэмы.

Также можно показать, что анализ сновидения напоминает подробный разбор шекспировского сонета на школьном уроке литературы. Однако если этот сонет увлек нас, то мы готовы проводить час за часом, вчитываясь в него, стараясь понять живой смысл главного образа, уясняя, каким образом аллитерации¹ выражают музыку согласных звуков (например,

¹ Аллитерация – повторение в стихотворной речи одинаковых согласных звуков с целью усиления выразительности художественной речи. – *Прим. ред.*

в такой фразе, как *session of sweet silent thought*²), и звуки вступают в резонанс с нашими чувствами, и все это и еще нечто непознаваемое сливается в гармонии четырнадцати строк, образуя великую целостность. Поняв это, мы сможем прочесть сонет вслух и застыть в благоговейном молчании, словно ощущая присутствие гения.

То же самое можно сказать и о сновидениях. Но что это за потрясающий гений, в объятиях которого мы засыпаем каждую ночь? В какой из сфер конкретные образы раскрывают наш внутренний мир и связывают его с внешним? Как бы мы ни надеялись узнать имя этого гения, неизменно возникает только одна закономерность. Юнг называл ее естественным стремлением к целостности, которое направляется Самостью (образом бога и регулирующим центром личности).

Все происходит так, словно жизнь в истинном ее понимании предоставила нам возможность родиться несколько раз. Какое-то время мы движемся в ее потоке, а затем внезапно или постепенно нас перестает удовлетворять положение дел. Работа не интересует нас так, как раньше, партнер уже не кажется привлекательным, а прежними путями не удастся прийти к цели. Сопоставив все это с естественным психическим ритмом, мы обнаружим себя в изоляции от мира, как бы в материнской утробе, лишенными уверенности в том, кто мы такие и что с нами происходит. Если удастся преодолеть боль сожалений о прежней жизни и вынести муки трансформации, мы переживем второе рождение. И тогда в течение нескольких последующих лет можно наслаждаться ровным течением жизни. Но наступит время, когда борьба противоположностей будет побуждать нас выйти на новый уровень осознания. Иногда мы ощущаем движение вверх, иногда – вниз, путь состоит из взлетов и падений, а корни лотоса, раскрывшего свой великолепный цветок навстречу солнцу, уходят глубоко в питательный ил.

Эта книга посвящена развитию маскулинности и феминности – двух видов внутренней энергии, сосуществующих у каждого человека; обе эти энергии стремятся к достижению внутренней гармонии. Пока они проецируются на других людей, мы обкрадываем сами себя с точки зрения достижения зрелости и внутренней свободы. Пока мы не возьмем на себя ответственность за такие проекции, нам не удастся достичь подлинных межличностных отношений, ибо мы путаемся в своих собственных образах вместо того, чтобы использовать новые возможности, расширяющие наши границы.

Боль, которую люди испытывают при разрыве отношений, постепенно побуждает их осознать, что представляют собой высвобожденные маскулинность и феминность. Как мы можем освободить их от обветшалых мифологий, в которых они погребены?

Однажды вечером, включив телевизор, я узнала о трагедии, случившейся в Монреальском университете. Вооруженный мужчина с криком «Вот оно, сборище феминисток!» – ворвался в аудиторию, выгнал из нее мужчин и устроил настоящую резню, закончившуюся тем, что четырнадцать студенток были убиты, еще тринадцать человек ранены (включая одного мужчину), после чего нападавший застрелился. В стране был объявлен траур, семьям погибших было выражено соболезнование. Общество скорбело, не в силах противостоять подобному насилию. Очевидно, речь шла о поступке человека с серьезными психическими нарушениями, однако психика таких людей нередко улавливает то, что происходит в коллективном сознании и бессознательном. Из дула автомата вырвалась глубоко укоренившаяся ненависть мужчин по отношению к женщинам, выплеснулся огромный заряд страха, горечи и ярости, накопившийся у тех и у других.

² «...На суд безмолвных, тайных дум...» – начало 30-го сонета (пер. С. Я. Маршака). – Прим. ред.

Наша всеобщая скорбь может трансформировать сознание так, что мы будем воспринимать убийство как жертвоприношение – настолько значимое, что оно может пробудить революционные настроения в обществе. С нас моментально слетели очки сентиментальности. Стали актуальными серьезные вопросы: не отражает ли разыгравшаяся трагедия, что наше общество больно какой-то серьезной болезнью, существует ли в нашем обществе угроза феминности, присущей тому и другому полу? Образы на экране телевизора напомнили сюжеты сновидений, в которых ясно просматривалась похожая ситуация, сложившаяся в бессознательном многих мужчин и женщин. Эта трагедия, эта воистину *человеческая* трагедия требует, чтобы каждый из нас взглянул на свое скрытое энергетически заряженное стремление к власти.

Это веяние стало ощущаться во всем мире. Несколько сотен китайских студентов погибли, пытаясь противостоять старому режиму. Их смерть была не напрасной. Когда такая же буря поднялась в Чехословакии, граждане этой страны стали очевидцами того, как студенты, которых избивала полиция, вновь поднимались со словами: «Довольно, хватит!» Они стояли плечом к плечу на Вацлавской площади с горящими глазами, крепко стиснув зубы, и требовали свободы. В Польше Лех Валенса, прикрепив к лацкану пиджака изображение Черной Мадонны, решился встать во главе своего народа, чтобы свергнуть прогнившую власть. В день, когда я пишу эти строки, румынская армия присоединилась к народу, чтобы установить правовое общество. Практически все коренное население Восточной Европы поднялось против удушающих человеческую свободу диктаторских режимов. По всем признакам их победа не за горами. То же происходит в Южной Африке, в Центральной Америке и во многих других частях нашей планеты. Все народы планеты охвачены хаосом возрождения.

Тот же ветер перемен охватил Америку. Мы же не рискуем высунуть нос из теплого одеяла, самодовольно радуясь тому, что они там, в Старом Свете, наконец обрели свободу, которую мы уже давно получили. Свободу для чего? Чтобы мечтать о том, как взломать засовы концентрационного лагеря или убежать от наставленного на тебя дула пистолета? Свободу, чтобы выволить свою феминность из лап безумца? Чтобы похоронить своего внутреннего ребенка в куче мусора?

Пала Берлинская стена. Но Зеркальная стена, из-за которой мужчины и женщины не могут увидеть друг друга, возвышается до сих пор. Она незримо присутствует на улицах, в учреждениях и в отношениях между людьми. Опаснее всего, что она проявляется в бессознательном у сыновей и дочерей уходящего патриархального прошлого. Незаметная и коварная, построенная на проекциях и иллюзиях, эта зеркальная стена имеет искажающую кривизну. Сейчас, стараясь заполнить ее иллюзорное содержание, мужчины и женщины, оказавшиеся жертвами устаревших идеалов, обратились к своей истосковавшейся феминности и ее истощенному спутнику – мужчине. Феминность больше не будет молчаливой жертвой, и вместе с тем наступит конец остракизму маскулинности.

Чтобы уничтожить эту стену, необходимо спокойствие и самоотверженность. А их невозможно получить извне. Бессознательная динамика, которая пропитала нас до мозга костей, держит феминность в плену патриархальности. И все же, если каждый из нас будет нести ответственность за своего внутреннего мучителя и внутреннюю жертву, то старые патриархальные комплексы будут обескровлены окончательно. Очистив себя от их энергии, мы обретем способность свободно любить.

Свобода – это не охранная грамота и не самолюбивый эгоизм. Быть психологически свободным – значит прежде всего доверять своему внутреннему миру, нести ответственность за свою силу и слабость, за сознательную любовь к самому себе, а значит – и за способность любить других. В этом направлении нас ведут сновидения – по узкой и извилистой тропинке. Пусть инсайты и сновидения, представленные в этой книге, будут нашим вкладом – моих пациентов и моим собственным – в общие усилия, направленные на то, чтобы разрушить стену, которая мешает нашей свободе.

Торонто, декабрь 1989

Волшебством, бытия растворяющим грани,
Наполни всех нас, огнедышащий бог.
Людей, не знающих в жизни забот,
Без дна запредельное зло поджидает.

Дотла раствори все, что возраст вмещает
В обман превративший мудрость всех лет,
Афинское солнце нас согревает
И бога Египта воинственный свет.

Забудь о покое, пока меж полами
Грань не исчезнет: битва годами
Длится без смысла; детство открой

И материнское чрево бесплодное – горе,
Пусть, несмотря на препятствий строй,
Рождаются реки, текущие в море.

Райнер Мария Рильке. Из круга «Сонетов к Орфею»³

Итак, мы имеем трехмерную вселенную: рационально познаваемую вселенную, чувственную вселенную, а между ними – вселенную, для которой в нашем языке трудно найти подходящее понятие. Если мы используем слово *воображаемая*, то рискуем подать идею событийности, возможности. Это слово должно выражать всю силу технического термина, обозначающего объекты, созданные на основе *воображения*, – т. е. все то, что может воспринять Воображение, в котором столько же реальности и правды, как в ощущении, воспринимаемом через органы чувств, или в идее, воспринимаемой интеллектуально.

Генри Гордон. «Духовное Тело и Небесная Земля»

³ Стихотворный перевод Э. И. Альпериной.

Глава 1. Избавление от дракона: убийство или жертвоприношение?

Поскольку в повседневной жизни мужчины и женщины – равноправные партнеры, у них должно быть внутреннее основание для такого партнерства. Что внутри, то и снаружи. В жизни ничего нельзя достичь, не заложив прочный внутренний фундамент. Попытка преодолеть противоречия между полами приводит нас либо к постепенному соскальзыванию по наклонной плоскости взаимного непонимания, либо оставляет нас в подвешенном состоянии, т. е. в состоянии компромисса, не удовлетворяющего ни тех, ни других, поскольку и те и другие отчуждены от своей внутренней реальности.

Если один из полов начнет прислушиваться к требованиям другого пола; более того, если каждая из сторон начнет понимать свою внутреннюю потребность в целостности, то только в этом случае может быть восстановлено партнерство между полами, которое способствует личностному росту каждого. Более того, восстановление этого партнерства даст человеческому обществу определенные преимущества на всех уровнях взаимоотношений.

В Книге Откровения Святой Иоанн с Патмоса сообщает нам о своем видении грядущего человеческого сообщества. Оно предстало пред ним в образе спускающегося с небес Нового Иерусалима, украшенного как красавица-невеста, идущая навстречу своему жениху:

И увидел я новое небо и новую землю; ибо прежнее небо и прежняя земля миновали, и моря уже нет.

И я, Иоанн, увидел святой город Иерусалим, новый, исходящий от Бога с неба, приготовленный, как невеста, украшенная для мужа своего⁴.

Иоанн оказался свидетелем вновь сотворенного внутреннего бракосочетания. «И сказал Сидящий на престоле: се, творю все новое» (21: 5).

Все мы осознаем, что планета Земля преобразуется в глобальное человеческое общежитие, и не можем не признать, независимо от того, нравится это нам или нет, будем ли мы в него вступать или нет, что мы все оказались вовлечены в революционный процесс, который нельзя остановить. Мы почувствовали себя более ранимыми и беспомощными, хотя вместе с тем получили возможность радоваться и творить. Осознать, что сегодня планета – единая страна, а все человечество – ее граждане, несколько легче, чем поверить в исполнение пророческого сна святого Иоанна. Но некоторые из нас представляли себе всемирное сообщество скорее небесным градом, воплощением пророчества святого Иоанна, чем вооруженным лагерем, в котором каждый человек, стоящий рядом, может оказаться потенциальным врагом. Для трех самых распространенных мировых религий современный Иерусалим воплощает в себе стремление творить новое, но это стремление до сих пор остается в закосневших объятиях патриархальности. Именно из этого подросткового состояния и пытается сегодня выйти человечество.

Наше личное восприятие всемирного человеческого общежития, в котором мы живем, в значительной степени определяет различия в нашем образе жизни. Говоря о партнерских равных отношениях между полами (такое партнерство еще внове), мы должны четко понимать, говорим ли мы о партнерстве между врагами, которых следует опасаться, или о союзе любящих людей, жениха и невесты, которые с радостью идут навстречу друг другу.

«Плодитесь и размножайтесь» – это обращение Бога к сотворенным Им мужчине и женщине больше не имеет особого психологического смысла в мире, который и так уже угрожа-

⁴ Откровение Иоанна Богослова 21: 1–5.

юще перенаселен. Плоды этого союза можно найти в любой сфере человеческой деятельности, они же, в широком смысле слова, создают поистине новый мир, понимаемый как наступление эры общечеловеческой расы. Чтобы такая надежда не превратилась в бесплодную фантазию, следует понять, в какой степени видение нового Иерусалима как «невесты, украшенной для мужа своего» отражает плодотворное партнерство полов на любом уровне и является движущей силой для его воплощения. Эта сила направляла ход развития Западной цивилизации, начиная от родоплеменной общины вплоть до современного интегрированного глобального сообщества. Сегодня единый мир существует в реальности, а не в фантазии, и потому мы будем исследовать динамику, которая приводит к постоянному творческому партнерству полов.

Первая задача, с которой мы сталкиваемся, – поднять фемининность на новый уровень осознания, чтобы первичная материя (которая всегда ассоциировалась с женским началом) не ощущалась мрачной и темной, а освещалась изнутри собственным внутренним светом и служила бы светящимся сосудом, достаточно мощным, чтобы связать свое свечение и творческие способности с зарождающимся маскулинным сознанием.

Большой вклад в развитие осознающей себя фемининности внесла немецкая и английская романтическая поэзия. Поэты того времени прекрасно ощущали влияние пережитков дряхлеющей патриархальности, которая даже в XIX столетии проявлялась в разрушительной агонии старого режима, безуспешно боровшегося за выживание. Здесь вполне уместно процитировать строки стихотворения Мэттью Арнольда: «Блуждание меж двух миров, / Один уж мертв, другой бессилён для рожденья»⁵.

Джон Китс дважды пытался выразить эту мысль. В неоконченном эпосе «Гиперион» слышится, как изнывает в муках его сердце и сердце таких же романтиков, стремящихся создать новый мир, основанный на фемининном сознании. Такое сознание способно воспринимать зарождающуюся маскулинность, которую Китс отождествляет с богом Солнца Аполлоном. Его глубокие поиски нашли отражение в фемининном образе Монеты⁶, который появляется в сновидениях как женщина с разбитым сердцем, наша современница, а иногда принимает облик Черной Мадонны.

Однажды у горы на склоне я золото нашёл
И с болью ощутил, что взгляд мой источник
стал жадность. Все мрачное нутро мое перевернулось,
Извергнув груды золота наружу,
И потому мне больно было видеть,
Как под печальным строгим взором
Монеты светлый разум был в плен захвачен,
Тягостный и тесный, опустошая мозг ей
В черепа глубинах. Трагедией высокой
Скорбь обернулась на ее устах
И светом ясным наполнились космические очи
А голос – неземной, таинственной печалью⁷.

⁵ «Stanzas from the Grand Chartreuse», lines 85–86.

⁶ Монета – в переводе с лат. «Предупреждающая», эпитет Юноны, которая предупредила римлян о землетрясении; при ее храме чеканили металлические деньги, отсюда произошло слово «монета». С другой стороны, Монетой называли и Мнемозину, богиню памяти, мать Муз. – Прим. ред.

⁷ «The fall of Hyperion», canto 1, lines 271–282. Стихотворный перевод Э. И. Альпериной.

Проникновение Китса в женскую психологию намного опередило время. Его представление о жизни как о «юдоли сотворения Души»⁸ открыло новые источники душевной восприимчивости, которые позволили ему предугадать свою раннюю смерть в 25 лет.

Продолжавшийся в XX столетии поиск утерянной феминности в изобразительном искусстве, поэзии и танце в настоящее время стал совершенно осознанным в жизни многих мужчин и женщин, сосредоточивших внимание на личном и духовном росте. Вместе с тем по-прежнему остается непреложным тот факт, что маскулинность, связанная с традиционной патриархальностью, воспринимает появление феминности как угрозу. Таким образом, основная задача для появления свободных партнерских творческих отношений состоит в избавлении маскулинности от патриархального страха перед феминностью. Насильственно пытаться насаждать феминность в рамках патриархальной традиции – значит приобрести в лице маскулинности, сформированной этой традицией, злейшего врага. Поэтому для появления новой динамики в отношениях крайне важно избавиться феминности от страха патриархальной маскулинности. Находясь в плену этого страха, ни тот, ни другой пол не в состоянии дать начало какому-то новому творческому процессу. Их отношения напоминают переговоры покупателя с виноторговцем при сухом законе, тогда как начать нормальное обсуждение любой проблемы можно как минимум в обстановке доверия и откровенности, при отсутствии запретов.

Главным при обсуждении возможности появления осознающей себя феминности становится освобождение слова от его привязки к той или иной гендерной роли. Сосредоточившись на отношениях между полами, я все сильнее ощущаю связь с внутренней основой этих новых отношений, связь, возникшую при соединении комплементарных каждому полу маскулинности и феминности. Термин «осознающая себя феминность», как и «осознающая себя маскулинность», применим и к мужчинам, и к женщинам. В наше время между полами существует такая же динамика, но она создает нечто новое и еще не получившее достаточного признания.

Зрелый мужчина и зрелая женщина нового времени будут соединяться не столько из-за стремления к объединению противоположностей, сколько из-за объединяющей их человечности. Эта единая для них человечность вовсе не исключает полового влечения. Лишенная невротических черт женская маскулинность привлекает сильных мужчин; лишенная невротических черт мужская феминность привлекает сильных женщин. В мужском теле энергия проявляется совершенно иначе, чем в женском. Различие между полами как биологический фактор крайне необходимо для выживания человечества. Однако выживание на психическом или духовном уровне выводит нас за пределы биологии в область, названную Юнгом индивидуацией. Единое человеческое сообщество, возникающее в результате глобализации, находясь в котором мы постоянно испытываем тревогу, но вместе с тем ищем более безопасное для жизни место, – это единство, вышедшее далеко за рамки сексуального влечения противоположностей. Оно превратилось в единение, ставшее результатом глубинной идентичности, настоятельно требующей взаимопонимания.

Не совершив работы, необходимой для осознания мужской и женской составляющих, мы снова и снова будем возвращаться к древним патриархальным образам, сохранившимся в застывших формах, реанимирующих патриархальный порядок. Пассивное подчинение этому порядку характеризует бессознательное отношение к обществу, оно подобно отношению детей к своим родителям, которые проецируют на них архетипические энергии, поддерживающие родительскую власть и подчеркивающие их значимость.

И хотя детям явно требуется ощущение безопасности, создаваемое архетипическими проекциями, они не могут безгранично подчиняться этой власти, не подрывая возможность

⁸ «Letter to George and Georgina Keats», Feb. 14–May 3, 1819.

собственного личностного роста. В худшем случае инфантильные проекции на родителей, если их вовремя не устранить, становятся основой для любой диктатуры, хотя тирания такой системы никогда не ощущается в полной мере, так как безопасность, которую она обеспечивает, превосходит издержки, связанные с подчинением.

В романе Достоевского «Братья Карамазовы» Великий Инквизитор, встретившись с вернувшимся на землю Христом, пытается убедить его словами, в которых содержится намек на то, что его ожидает второе распятие и ему не будет места в лоне церкви. Безопасность, предлагаемая христианам церковной властью, является матриархальной и патриархальной одновременно. Она настолько соответствует насущной человеческой потребности, что для нее существует лишь одна угроза – свобода, которую воплощает Христос. Распятие свободы во имя безопасности, обеспечиваемой всемогущими родителями, является, как считает Инквизитор, основой человеческого общества.

Старая косная мать подобна громадной ящерице, притаившейся в глубинах бессознательного. Она ничего не хочет менять. Если отважное Эго пытается чего-то добиться, она молниеносным движением своего узкого раздвоенного языка подавляет этот детский бунт. Ее супруг, прямолинейный и властный отец, поддерживает закон, утверждающий ее власть. Вместе они олицетворяют власть в образе железного кулака в лайковой перчатке. Мать принимает образ Матери-Церкви, Матери-Родины, Родной Школы, Университета, любимой и незабвенной Альма-матер, охраняемой Отцом, который превращается в Отца-Иерарха, Отца-Закон, Отца-Статус-кво. Мы бессознательно впитываем содержащуюся в этих архетипических образах энергию, которая, в отсутствие индивидуационного процесса, остается на инфантильном уровне. Оставаясь неизменными и не поступая в сознание, которое, конечно же, сделало бы их менее заряженными энергией, эти внутренние диктаторы поработают человека куда более жестоко, чем диктаторы внешние.

В соответствии с моим пониманием патриархальности эти обветшалые родительские образы содержат энергию, препятствующую личностному росту. Пока они в силе, сознающая маскулинность и сознающая фемининность остаются только словами. И мужчины, и женщины, бессознательно попавшие в энергетическую ловушку, лишаются индивидуальной свободы и препятствуют проявлению этой свободы у окружающих. Женщины могут быть даже консервативнее мужчин. Миф о солнечном герое, открывающем в сражении с драконом путь к самопознанию, отягощен многочисленными убийствами. Энергия этого мифа уже иссякла, и сейчас мы боремся с насилием, вызванным ее последствиями. Более того, навязчивое желание взять верх над матерью, существующей в бессознательном, оставалось слепым к ее тайной победе. Вековые усилия, направленные на убийство дракона, завершились поклонением матери. Сыны и дочери патриархальности фактически оказались привязанными к матери.

Утрачен символический смысл убийства как жертвоприношения, ведущего к трансформации. Трансформация выводит энергию из бессознательного и направляет ее в сознание. Если рассматривать в деталях убийство дракона, то мать соответствует стихийной первичной матери, а ее дети по-прежнему продолжают бессознательно поклоняться ее устаревшему образу из-за отсутствия осознания, побуждающего человека к трансформации. Без этого осознания убийство матери приводит к тому, что она возвращается, став еще более сильной, ибо она подпитывается энергией своего убийцы. Согласно мифу за смертью следует возрождение, но в нашей сверхматериальной культуре существует только смерть. Мы можем так и умереть, покоясь на мусорной куче собственных ошибок. С течением времени убийство дракона утратило первоначальный смысл и осталось всего лишь актом убийства, так и не став средством трансформации.

Патриархальность имеет истоки в одном из самых древних мифов человечества: в мифе о странствии героя. Согласно этому мифу, герой является наместником Солнечного бога, символа абсолютной власти, от которого зависит вся жизнь. Солнечный бог постоянно укрепляет

свою абсолютную власть, сражаясь с силами тьмы, посягающими на его владения. «Да будет свет» – божественный закон, регулирующий акт созидания. Надев в честь Солнечного бога свои доспехи, символизирующие Солнце, солнечный герой отправляется в странствие во имя своего Бога Отца, чтобы совершить некий, по существу, патриархальный акт, который позволит ему идентифицировать себя с Творцом. Самое великое деяние мужчины заключается в повторении вечного акта творения. Против героя сосредоточены силы тьмы, которые по своей природе не могут породить свет, ибо получают его от Солнца.

Одним из символов этой темноты является Луна с ее циклом, противоположным солнечному циклу. Лунный цикл, фемининный по сути, управляет ночью, тогда как днем управляет солнечный цикл. Однако свет Луны – не ее собственный свет, а отраженный свет Солнца. Таким образом, оказывается, связь между Солнцем и Луной символически раскрывает связь между полами. Фемининность, которую воплощают силы хаоса и тьмы, создается в сфере несущего свет мужского творения как отражение его власти.

Милтон выразил эту связь при описании библейских образов Адама и Евы:

Он – лишь для Бога, она – для Бога, который есть в нем⁹.

Очень близким к фемининности, изображаемой как лунный цикл, является образ дракона или змеи, с которой традиционно ассоциируется женщина. Причем этот образ формировался постепенно под влиянием мужской власти. Обычно в мифе о герое дракон должен быть убит. Тогда, когда в убийстве дракона нельзя усмотреть символический процесс трансформации, происходит отделение фемининности от ее жизненных истоков и материальной энергии (стихийной материи, матери). В этом случае женщина становится именно такой, какой увидел ее Фрейд, а именно кастрированным мужчиной, и ее влагалище представляется мужчине открытой раной, вселяющей в него ужас, когда он впервые познает женщину.

Став идеализированным героическим действием, особенно в романтической литературе, убийство дракона влечет за собой избавление захваченной в плен девушки. Тогда из глубин солярного мифа можно извлечь такой вывод: фемининность требует избавления от собственного мрака. Солнечный герой, который сражается за дух и свет, воплощающий всепроникающую энергию рационального инсайта, не может постичь эту темноту, опускающуюся на нас в виде женской загадочности. С незапамятных времен совершения Элевсинских таинств их участникам запрещалось о них рассказывать. Процесс творчества, происходящий в темной утробе, недоступен для солнечного света. С другой стороны, он недоступен и для влияния Луны. Таким образом, ключевым фактором для установления равенства полов становится трансформация страха маскулинности перед фемининными процессами. То, что могло бы заменить солнечному герою убийство дракона, которое многие мужчины до сих пор считают своей святой обязанностью, – это развитие фемининного сознания, которому убийство дракона очень часто мешает. К этой трансформации ведет именно осознанная интеграция бессознательной фемининности, а не ее отвержение. Дракона, родственного *deus absconditus*¹⁰ (незримому богу) алхимиков, вовсе не следует убивать. Дракон, как утверждает Юнг в книге «Ответ Иову», должен стать спасителем для всех живущих на земле¹¹.

Перемена в сознании, о которой идет здесь речь, могла бы потрясти основы, на которых веками покоилось мужское Эго. И все же нашему развивающемуся сознанию ясно, что убить дракона – значит в лучшем случае затормозить процесс трансформации. Характерной мужской реакцией на отказ от мифа об убийстве дракона в пользу процесса трансформации является первобытный страх, что силы тьмы могут одержать победу над силами света и, отрицая фаллическую энергию мужчины, поставить его в положение женщины. В таком случае мы сталки-

⁹ *Paradise Lost*, Book 4, line 299.

¹⁰ См. Jung, *Alchemical Studies*, CW 13, pars. 138–139.

¹¹ См. *Psychology and Religion*, CW 11, par. 619. (Юнг К. Г. *Ответ Иову*. М.: Канон, 1995.)

ваемся с реакцией мужчины на собственную фемининность – это нечто иное, чем угроза его маскулинности, завоеванной столь высокой ценой. Фактически в социальном опыте мужчины почти нет ничего такого, что помогло бы ему посмотреть на это по-другому.

Как же происходит этот резкий переход в сознании? Как мужчина может победить свой страх перед фемининностью или же полностью довести его до сознания, не вытесняя в мрачную пропасть? Ответ можно найти в понимании психодинамики самого творческого процесса – той самой психодинамики, в которой мужчины традиционно видели угрозу своему мужскому достоинству. Например, поэтическое творчество и даже его изучение до сих пор считается совершенно немужским занятием.

Тем не менее эту динамику вполне осознанно исследовали поэты-лирики эпохи романтизма. Больше всего их привлекала ответственность каждого человека за свой духовный рост и воспитание души. Тем самым они идентифицировали себя с психодинамикой творческого процесса, который Китс назвал «сотворением души». В этой деятельности активное и весьма существенное участие принимают оба пола. Они глубоко заинтересованы в том, чтобы обрести рождение на психическом уровне, считая, что отец ребенка, вынашиваемого в темном чреве творчества, – скорее сверхъестественное существо, чем обычный человек. Миф о непорочном зачатии в равной степени относится к мужчине и женщине, если воспринимать его с точки зрения психодинамики, управляющей сотворением души¹². Наука о рождении души называется психологией. Психология не может быть ни женской, ни мужской – только той и другой одновременно. Весьма примечательно, что в конце концов Фрейд почувствовал, что именно его патриархальная ответственность требует пожертвовать душой ради принципа реальности.

Не только мужчины боятся фемининности: женщины испытывают перед ней не меньший страх. Но женский страх имеет совершенно иную основу. Женщина креативна на биологическом уровне. Переход от физиологии к психике, резкое изменение, произошедшее в сознании Девы Марии, когда перед ней предстал Архангел Гавриил, было тем скачком, которому ее физиология не только сопротивлялась, но которое вообще старалась отрицать. Тело противостояло психической реальности, стремящейся утвердить очевидное всемогущество своей власти. Мужской страх перед фемининностью исходит от страха перед тайной женского тела. Таинственную женщину тайно почитали на протяжении многих веков: ей посвящали обряды, традиционно связанные с подземными пещерами, и приравнивали ее к Богине Матери, которая у христиан отождествляется с Матерью самого Бога.

Женщины не обладают иммунитетом в отношении соблазнов телесной энергии. Детально разработанные ритуалы, созданные для увеличения этой энергии (производство косметики – одно из самых конкурентоспособных в мире), по-прежнему являются формой почитания пленяющей Тени бессознательной фемининности. Мужчины, связанные с солярным мифом, особенно восприимчивы к этой Тени, ибо она является основной целью ритуального убийства дракона.

Юнг называл процесс сотворения души *opus contra naturam* – деянием против природы, – имея при этом в виду, что человек должен прилагать усилия, направленные против бессознательных природных влечений, ради освобождения сил душевных. Мужской дух в этом деянии стремится выйти за телесные границы, противостоять природному бессознательному, игнорируя его во имя достижения совершенства бесплотной души. И наоборот, фемининность, которая в силу самой своей физиологии связана с телом, стремится к еще более конкретной материальности, испытывая при этом недостаток одухотворенности. Душе, главное в которой, как я это понимаю, – осознанная фемининность, одинаково угрожают и бесплотный дух, и конкретная материальность, однако ее очищение является неременным условием для создания новой взаимосвязи между полами.

¹² См.: Marion Woodman, *The Pregnant Virgin: A Process of Psychological Transformation*.

Убийство дракона, сотворение души и метафора

Наверное, уже достаточно сказано о том, что мы попали в плен устаревшей мифологии. Мы видели, как Тень бессознательной фемининности при помощи древних мистических ритуалов соблазняет солнечного героя, который, в свою очередь, находит в ней объект удовлетворения своего неосознанного желания и цель ритуала инициации. Он должен убить именно то, что любит (по крайней мере, он так считает), и сама любовь порождает ужас, наполняя им его сердце, в котором соединение приводит к разрушению. Высшее выражение любви Отелло к Дездемоне проявляется именно тогда, когда он, видя в себе доблестного слугу Его Величества Долга, убивает жену и тем самым совершает жертвоприношение. От нее исходит целомудренное сияние звезд и совершенство форм монументального алебаstra. Уже почти задушив Дездемону, Отелло повторяет: «Таков мой долг, таков мой долг, душа моя»¹³.

Очень редко убийство дракона отождествляли с убийством возлюбленного, как в шекспировской трактовке *либестода* (*Liebestod* (нем.) – добровольный уход из жизни обоих возлюбленных во имя любви). Пока нас это затрагивает, пока это событие остается в нашем представлении символом высочайшей трагедии, мы остаемся в плену мифа, который может достичь своей цели, разрушив нашу личность, ибо мы по-прежнему продолжаем считать такой конец жизни вершиной благоденствия.

«Долг», который Отелло отказывается назвать («Стыжусь назвать пред вами, девственные звезды, ее вину»)¹⁴, представляет собой миф об убийстве дракона солнечным героем. Его энергетический источник находится в ловушке Тени бессознательной фемининности, которую символизируют силы тьмы. Любовь на службе у убийства – вот чем оборачивается солярный миф в скрытой форме, которую я назвала бы патриархальной.

Такое прочтение мифа об убийстве дракона, который столь сильно затрагивает Тень бессознательной фемининности, фактически является новой интерпретацией одного из самых значительных и распространенных мировых мифов. До тех пор, пока патриархальность отождествляли с космическим миропорядком, толкование этого мифа нельзя было подвергать ни малейшему сомнению. Оно было столь же самоочевидным, как восход и заход солнца. Обратит внимание на те его аспекты, которые тормозят развитие или вовсе связаны с уничтожением (например, истребление природы), – как поступаю я и некоторые другие исследователи, – значит навлечь на себя ярость патриархальной власти. Однако в мои намерения не входило всколыхнуть эту ярость. С другой стороны, я совсем не надеюсь ее заглушить. Я предпочитаю вообще к ней не обращаться, ибо хочу устремить взгляд в будущее. Я собираюсь сосредоточиться на работе с совершенно иной моделью сотворения души. По-моему, эта модель во многом была характерна для поэтов-романтиков, основная заслуга которых состояла не в создании гимна романтической любви, как полагают многие, а в глубинной ее критике. Это критическое отношение, которое слишком долго не могли распознать, становится совершенно очевидным в трагедии Шекспира, когда Отелло в конце концов был вынужден признать, что идеализированное им прежде романтическое жертвоприношение фактически оказалось просто-напросто убийством.

Ключевым моментом для понимания убийства дракона является противопоставление материи духу; при этом материя не только оказывает сопротивление духовному свету, но и стремится к разрушению во имя вечного мрака. Силы света и тьмы являются заклятыми врагами, которые вечно борются за власть; императивом для совершения действия является именно убийство, а не жертвоприношение. Совершенно неважно, насколько идеализирован-

¹³ *Отелло*, акт 5, сцена 2, строка 1.

¹⁴ Там же, строка 2.

ным должно стать это действие, чтобы повысить значимость первобытного мифологического героя; главное, что по своей сути оно остается актом убийства. Возрождающая энергия этого убийства стала со временем подпитывать иллюзии, которые больше не находили ни рационального, ни духовного толкования. Кровь не могла заполнить пропасть между материей и духом, которую тщетно пытались преодолеть с помощью убийство дракона. Современная борьба за осознающую себя фемининность предполагает отвержение самого факта убийства эмоционально заряженной женской идентичности. И это вовсе не отвержение жертв, которых требует сознание.

А теперь, обратившись к сотворению души, нам в первую очередь следует обсудить роль метафоры в созидании моста через пропасть между материей и духом. Метафора соединяет их без всякого кровопролития. Она позволяет соединиться материи и духу (в переводе с греческого *meta-phora* означает *переход через*) в результате лингвистической трансформации материального в духовные символы.

Фактически весь наш язык представляет собой метафору, ибо каждое слово – это символ. Наша повседневная речь наполнена метафорами: «Она разобрала меня по косточкам. Я его не перевариваю. Давай начнем все с чистого листа. Она – просто персик, настоящая принцесса, Поллианна¹⁵. Он – колючка, принц, бриллиант». Метафоры украшают наш язык, ибо наряду со значением несут в себе энергетически заряженные образы. Возьмем, например, известные строки шекспировского Макбета, повествующие о том, как герой узнает о смерти своей «бесценной любви»:

Так в каждом деле. Завтра, завтра, завтра —
А дни ползут, и вот уж в книге жизни
Читаем мы последний слог и видим,
Что все вчера лишь озаряли путь
К могиле пыльной. Дотлевай, огарок.
Жизнь – это только тень, комедиант,
Паясничавший полчаса на сцене
И тут же позабытый...¹⁶

Как и большинство людей, вы можете удивиться, почему Шекспир не стал точно выражать свои мысли. И также вы, вероятно, удивляетесь, что сны не говорят прямо, что именно они означают. Предположим, Макбет сказал: «Я сведу счеты со своей короткой, пустой жизнью». Означает ли эта фраза конец всего того, что представлял собой этот великий человек и на что он надеялся? Питалось ли его воображение искрами какого-то образа, внезапно превратившегося в ничто? Слышал ли он сердцем причитания леди Макбет во время ее сомнамбулического брожения – на ощупь, со свечой в руке – в мире, где «светлее дважды – значит стать слепым»¹⁷? Удалось ли нам увидеть мерцающую во мраке свечу ее жизни, как и свечу своей собственной жизни?

По определению метафора создает материальный образ духа – или же духа *как* материи. Возникает мир, в котором эти две субстанции соединились в некую переходную фазу, которую можно назвать душой. Таким образом, в самой природе языка заложено постоянное взаимопроникновение материи и духа, которое изначально происходит из метафоры. Так язык придает нам ощущение мира, в котором материя и дух тесно связаны между собой. Это таинственная область «тонкого тела».

¹⁵ Героиня новелл детской писательницы Элинор Портер. – *Прим. ред.*

¹⁶ *Макбет*, акт 5, сцена 5, строки 19–26. Пер. Ю. Корнеева.

¹⁷ Emily Dickenson, *The Complete Poems*, no. 761.

«Тонкое тело» – выражение, взятое Юнгом из алхимии, – представляет собой среду, в которой мы живем, движемся и существуем. Именно через «тонкое тело» мы воспринимаем себя и общаемся с себе подобными на любом уровне бытия. «Тонкое тело», по выражению Вордсворта, – это «мир каждого из нас, то место, где, в конце концов, мы находим свое счастье или – ничего»¹⁸. Это такая среда, где самоутверждение души происходит в результате ее первобытной идентификации с силами мрака, которые слишком долго вероломно склоняли убийц драконов, находящихся в плену своих иллюзий, совершить этот акт кровопролития, за которым якобы непременно следовало возрождение. Для иллюстрации этой трансформации материи в дух вспомним событие, ставшее известным многим из нас благодаря телевидению. В рамках этого события мне хотелось бы найти место для «тонкого тела», не имеющего ничего общего ни с полом, ни с убийством дракона, ни с очарованием бессознательной фемининности. Оно в равной степени относится к человечности мужчины и женщины. Даже более того: поскольку это событие действительно является событием мирового масштаба, включая пространственный образ земли в виде земного шара, я увидела в нем символ единения человечества, который означает внутреннее бракосочетание.

11 февраля 1986 г. президент Рейган процитировал следующие строки сонета, написанного девятнадцатилетним канадским летчиком, погибшим во время Второй мировой войны:

Все выше в безбрежно-манящие дали
Свой самолет искусно поднимаю.
Сюда даже орлы не залетают,
Уж не до шуток мне: молчу и понимаю:
Здесь царство святости, торжественный покой —
Лишь только захоти, – так шепчет разум мой, —
И Лика Божьего коснешься ты рукой¹⁹.

Президент Рейган обратился к застывшим в печали семьям семи американских космонавтов, которые вполне нормально чувствовали себя во время запуска космического корабля Челленджер, а через семьдесят три секунды после запуска перестали существовать в этом мире. Они исчезли на глазах у потрясенных родных, близких и миллионов телезрителей. Слово «пространство» приобрело для всех новый смысл. В течение мгновений космонавты превратились из материи в дух. Видевшие все это сознательно или бессознательно почувствовали, как у них внутри гаснет их собственный свет.

Как же относятся люди к жестокости этого неожиданного, бесшумного конца? Каждый из них вновь и вновь рассказывает эту историю, слушает музыку, читает стихи, гуляет на природе. В дни национальной трагедии то же самое делает телевидение, но уже в массовых масштабах. Между многочисленными периодическими повторами записи трагедии – совершенно непостижимой реальности – передают музыку, читают стихи, строки из Священного Писания: в этот момент слова сами по себе ничего не значат. Воображение с помощью метафоры построило мост, разделивший и одновременно соединивший материю и дух. Так как душа – вечная субстанция, пребывающая в материи, материальные образы, воспринимаемые пятью человеческими чувствами, содержат пищу, необходимую для души.

Дух томится в высоком порыве; материя воплощает ограничения духа. Душа играет роль посредника между ними. Когда дух падает, душа испытывает страдания. Когда темная материя получает доступ в сознание, душа тоже испытывает страдания. Суть душевного роста заключается в страдании и жертвоприношении. Сталкиваясь с духовными невзгодами, вместо отверже-

¹⁸ «The Prelude», book 2, lines 142–144.

¹⁹ John Gillespie Magee, Jr., «High Flight». Стихотворный перевод Э. И. Альпериной.

ния духа мы приходим к духовным ограничениям. Это переходный мир. Сталкиваясь с материальными трудностями, вместо отвержения тела мы приходим к телесным ограничениям. Это тоже переходный мир. В этот переходный мир, в «тонкое тело», проникает душа. Патриархальный страх перед фемининностью можно преодолеть, создав сосуд осознающей фемининности – восприимчивую душу, которая больше не испытывает страха ни перед материей, ни перед духом.

Странствие между небом и землей, соединение одного с другим воспринимается душой на языке поэзии, на языке метафоры, интегрирующей образ и чувство, сознание и воображение. Метафора или символ исцеляет, потому что обращается к личности *в целом*. Поэтому Юнг верил, что представление образов сновидений – это путь, ведущий к целостности.

Взрыв Челленджера был в каком-то смысле вспышкой невоплощенного духа, разум потерял человеческие границы и вышел за пределы законов природы, высокомерно переоценив возможности техники. Во время этой вспышки в микрокосме возник макрокосм. Челленджер становится метафорой. Роковая пропасть между телом и духом слишком часто заполнялась потерей сознания. Избежать трагедии можно, только признав, что эту пропасть должна заполнить душа.

В отсутствие метафоры сознание может быть сытым, но воображение и сердце могут голодать. Не наполняя душу, можно накрыть банкетный стол сновидений, но эта пища будет отвергнута, и душа останется голодной. В анализе нет ничего грустнее, когда сновидец видит сны, богатые исцеляющими образами, но не в состоянии их переварить: Сознание либо неспособно, либо отказывается дать себе время, чтобы вкушать, пережевать, проглотить, переварить и интегрировать в свою личность содержание образов сновидений.

До тех пор, пока значение сна не будет осознано, метафоры, которые поставляли наши сновидения, так и останутся в наших телах или в наших отношениях. С другой стороны, если мы усиленно работаем над тем, чтобы ассоциировать образы сновидений, насколько это позволяют чувства, воображение и разум, чтобы сплотить их вокруг символа, мы неизбежно постигаем точность метафоры. Существует момент «ДА!» или «О НЕТ!» – когда истина резонирует с телом, душой и умом, момент иногда болезненной правды, но, тем не менее, это истина, которая ведет к свободе.

«Образ-сырец» из бессознательного может поразить нас слезами или смехом, часто и тем и другим одновременно, потому что находится на грани абсурда, между трагедией и комедией. Если Эго будет ассимилировать точку зрения, предоставленную бессознательным, и смотреть *объективно*, то оно может через некоторое время приобрести новую точку зрения. Это сопровождается страданиями, но в то же время опыт страдания есть мука рождения. Эго, которое связано с душой (правополушарное мышление, если угодно), переносит эти образы сновидений в живопись, танец, музыку, скульптуру, литературное творчество, что позволяет превратить то, что иначе было бы мертвым изображением, в энергию жизни, в процесс исцеления.

Трансформация совершается через метафору. Без метафоры энергия не находит себе выхода, замыкаясь в повторяющихся формах поведения: Медуза превращает энергию в камень. В творческой структуре символ свободно парит между материей и духом, исцеляя дух.

У детей, как правило, духовность отсутствует, поэтому для них мир все еще является волшебным. Детское воображение оживляет детские тела. Они играют, причем делают это, полностью увлекаясь игрой. С детских уст слетают сверхъестественно мудрые слова, однако они бессознательны. В нашей культуре в процессе взросления рациональное мышление постепенно вытесняет образное восприятие, причем до такой степени, что воображение совершенно задыхается. А без него спонтанность и творчество превращаются в камень. Когда вечная первозданная сущность прекращает пропитывать повседневность, жизнь превращается в постоянное повторение однообразной механической работы. Сосуд фемининности, который служит источником жизненного восприятия, закрывается так плотно, что не улавливает ничего нового.

Противоположности (дух – материя, мужское – женское) перестают восприниматься как живое противоречие. Без напряжения, остроумия, шуток, игривости, которые создает жизнь, теряется то, что придает ей вкус. При столкновении двух разных реальностей раздается взрыв смеха, и если нам суждено прожить божественную комедию, обязательно следует поддерживать напряженность, созданную противоречием между этими двумя мирами.

Один из величайших драматургов нашего времени, Сэмюэл Беккет, мастерски умел создавать это напряжение. В главных сценах его театральных постановок, в литературных диалогах и в характерах его героев возникают незабываемые образы и обнажается суть вещей. Так, например, в его пьесе «Игра на финише» слепой Гамм правит своим однокомнатным царством, сидя в инвалидном кресле и сардонически насмехаясь над безногими родителями, которых он закинул в стоящие рядом мусорные баки. Одновременно он издевается над своим слугой Кловом, который больше не устраивает Гамма.

С начала пьесы и до самого ее конца Клов стоит как парализованный, держа в руках собранный чемодан и готовый навсегда покинуть этот дом. Однако он не может этого сделать. Начиная с его первых слов: «Кончено, все кончено, почти кончено, это должно скоро закончиться»²⁰, – и до последних слов Гамма:

Поскольку таковы правила игры...
...давайте будем играть по ним...
...и кончим разглагольствовать на эту тему...
кончим трепать языком²¹, –

все четыре персонажа делают все возможное, чтобы как можно полнее «обыграть» это слово.

Любить Беккета – значит почувствовать себя ищущим свою вставную челюсть на ощупь, без очков, и неожиданно услышать меланхолическое восклицание Нелл: «Ах, вчера!» – которое будет рваться из ваших внутренностей до тех пор, пока вы не упадете в кресло и, скрючившись, не будете смеяться до слез. Таково противоречие: жизнь, смерть и новая энергия – все сосредоточено в едином озаряющем миге. Однако если ваша восприимчивая фемининность, ваша сосредоточенная в теле душа окажется закрытой, вы не получите ничего: ни инсайта, ни радости. Вы будете бродить вслепую, кусая пересохшие губы. Без способного к восприятию сильного сознания не наступит момент соединения конечного и бесконечного. Без освещенного изнутри тела не произойдет духовного просветления. Если вы не настроились смотреть бейсбол, эта игра может показаться вам забавой для сумасшедших. Не настроившись слушать Моцарта, вместо прекрасной музыки вы будете слышать шум. Не настроившись на работу со сновидениями, вы не увидите в них никакого смысла.

Маниакальная деятельность, задающая ритм жизни нашего общества, отрицает существование души. Находясь во власти амбиций, конкуренции, поисков идеалов совершенства или насущной потребности выполнять изматывающую работу, люди, сталкиваясь между собой, делят жизненное пространство. В своих снах они обрекают душу на пытки, с которыми можно сравнить разве что истязания фашистов, а их тело наполняется пустотой. Оторванные от своих истоков, они стремятся к «высокому». При этом они хотят получить его сразу и непременно в конкретной форме: в виде наркотиков, азартных игр, дорогих вещей, алкоголя, изысканной пищи, секса. Иными словами, они хотят выйти за рамки своего Я, избавившись от тоскливого, однообразного существования.

Все мы – люди, которым не чуждо все человеческое, и мы не можем одним скачком перейти в состояние измененного сознания, которое не интегрировано в повседневную жизнь.

²⁰ *Endgame, a Play*, p. 1.

²¹ Там же, p. 84.

Такой переход повлечет за собой расщепление тела и духа. Мы можем оказаться в состоянии блаженства: в мире вне пространства и времени – в утробе Великой Матери – или же можем стать одержимыми. Одержимость в виде ступора, экстаза или иступленного восторга является бессознательной. Эго не функционирует, и потому сокровища не могут быть возвращены. Говоря иначе, наша точка зрения и жизненная установка остаются неизменными; мы натываемся на свой же собственный карающий меч, все еще оставаясь в плену древнего мифа об убийстве дракона. Для истинного перехода необходим достаточно прочный сосуд, чтобы уйти в другую реальность и, вернувшись обратно, привнести в сознание сокровища, с которыми вы там соприкоснулись; только тогда повседневная жизнь обогатится и наполнится смыслом.

Сокровища святых таинств, которые когда-то обогатили повседневную жизнь, сделав ее частью божественного миропорядка, принесли благодать миллионам верующих. Многие из нас больше не способны к восприятию этих сокровищ, и тогда они возвращаются обратно в бессознательное. Прекратила свое существование проекция, которая однажды соединила великого и любящего Бога Отца с парящим белым голубем. Бог умер. Многие считают дискуссии о существовании Бога не только бессмысленными, но и довольно приевшимися. Однако умерла всего лишь проекция. Точно так же все рассуждения о Богине могут стать столь же бессмысленными и глупо-сентиментальными, если отсутствует личный опыт переживаний, подтверждающих те или иные доводы.

Бог и Богиня прекратили свое существование в качестве проекций. Они стали индивидуальными внутренними переживаниями, позволяющими нам открывать самих себя, природу, отношения и великие мгновения в жизни как дары, которые недоступны нашему сознанию. В теле происходит сотворение души.

Так как, согласно Уильяму Блейку, тело – это «часть Души, которая воспринимается как Плоть теми пятью органами чувств, которые для современного человека являются главными входными каналами для Души»²², все мы, дети патриархальности, должны научиться любить свое тело – Богиню – в ее материнском облике. Мы не сдаемся по воле природы на милость убаюкивающего материнского чрева. Мы не слышим ее медленного сердцебиения. Мы лишь бросаем беглый взгляд на то, как мертвые пальцы зимы хватаются за распускающиеся почки. Мы не даем себе возможности на миг остановиться, чтобы вдохнуть полной грудью весенний воздух, подставить лицо лучам солнца или каплям дождя. Наша чувствительность настолько искажена, что надо бы вновь научиться почтительному отношению к природе и своему телу. Мы должны вернуть себе первобытную мудрость, которая дает нам уверенность в том, что мы любимы, что от рождения имеем право на жизнь, что нам нет необходимости ни доказывать, ни утверждать свое существование. Ощущая каждой клеточкой, что жизнь – это высший дар, мы можем принять существующее противоречие. Жизнь больше не раскалывается на правильное и неправильное, свет и тьму, рождение и смерть. Все противоположности становятся составляющими частями таинства, вызывающего в нас трепет.

Сознательная связь с Великой Матерью – это возвращение в эдемский сад, осознание его первозданности и вместе с тем понимание, что именно его мы перестали почитать. Сознание хватается за устойчивость Эго, отказываясь идентифицироваться с всепоглощающей страстью к обжорству, пьянству и сексу. Оно отказывается впадать в состояние одержимости. Обуздывая вызванные инстинктивной энергией влечения, которые наносят вред, ибо над ними уже было совершено насилие, сознание открывает дорогу любви и отказывается от навязчивых призывов дракона убить мать, чтобы освободиться от ее темной утробы.

В противовес отождествлению бессознательной феминности с силами тьмы проявляется иная феминность, которая обрела собственный голос и перестала идентифицироваться

²² «The Marriage of Heaven and Hell», *The Selected Poetry and Prose of William Blake*, p. 123. (Блейк У. Бракосочетание Рая и Ада // Уильям Блейк. Видения Страшного суда / Пер. В. Чухно. М.: Эксмо-Пресс, 2002.)

с драконом. Воплощение такой феминности можно увидеть на картине Леонардо да Винчи «Мадонна с матерью Анной». На этом рисунке, находящемся в специально затененном зале Лондонской национальной галереи, защищенном пуленепробиваемым стеклом от убийц дракона, изображена Дева Мария, сидящая на коленях непорочно зачавшей ее Анны. Энергетически заряжен не только преображенный телесный образ Девы Марии, но и образ ее матери. Образ тела, таким образом, поднялся до осознания святой Анны и ее дочери, которые перешли в контекст христианского мифа из греческой мифологии (Деметра и Кора).

Еще более впечатляющий образ можно найти на картине Леонардо «Мадонна в гроте», один из вариантов которой находится в Национальной галерее. Здесь Анны уже нет, но вместо нее – изображение грота, который прочно ассоциируется с темной утробой, откуда появилась на свет Пресвятая Дева и который до сих пор служит прибежищем для нее и ее божественного младенца. Выразительность этих образов христианского спасения достигается тем, что в них вносится просветленное сознание феминности – то самое сознание, которое окончательно идентифицируется с духом божественного младенца. Деятельность по осознанию феминности представлена здесь как божественное искупление людских грехов.

Становление такого просветленного феминного сознания, которое в Ветхом Завете идентифицируется с образом Софии, или женской мудрости, оказывается для нас серьезной альтернативой патриархальному мифу об убийстве дракона. В католической церкви эти две мифологии существовали параллельно в одну и ту же эпоху, в XI и XII столетиях. А матриархальный миф (в противоположность патриархальному) занимал такое положение, при котором он сам выполнял патриархальные функции и включал в себя, даже подчинял, саму патриархальность.

Исчезновение культа Пресвятой Девы во времена Реформации привело к усилению патриархальности, освободив ее от внешних ограничений Матери-Церкви. В поклонении Деве Марии мы видим попытку очищения маскулинности через внедрение феминного сознания. Такое внедрение осознавшей себя феминности в качестве хранилища трансцендентного духа, понимавшееся как свет маскулинности, находящейся во время Вознесения в борьбе с силами тьмы, привело к трансформации самих этих сил в душе. В результате произошло новое объединение маскулинной энергии в творческий союз с сознательной феминностью. Таким образом, работа по сотворению души не только оказалась в центре внимания, но и вся ее динамика с триумфом утвердилась в качестве основы творческой деятельности. Поэма Мильтона «Потерянный рай», традиционно считавшаяся самой патриархальной из написанных по-английски поэм, в наше время подвергается новой интерпретации, ибо роль Урании, музыки, диктовавшей поэму Мильтону, пока он спал, воспринимается теперь гораздо более серьезно.

Действительно, именно в поэме Мильтона явно обозначается творческий союз маскулинности и феминности, под воздействием которой находилась бессознательная патриархальность Мильтона. Делая акцент на образе Урании, романтизм превратил змея в инструмент феминного сознания, отвергнув убийство мильтоновского дракона патриархальности во имя зарождения феминного сознания, послужившего провозвестником нового творения. Такое прочтение «Потерянного рая» фактически предвосхищалось в двух упомянутых ранее картинах Леонардо да Винчи. Шелли пошел еще дальше: он возвел романтизм в статус новой религии, увидев в нем возрождение самого христианства²³. Обращаясь в этой книге к поэтам-романтикам, я хочу увидеть в их произведениях роль феминного сознания во вновь образованном союзе с маскулинным сознанием.

Поставим акцент иначе: этот новый союз сам по себе играет трансформирующую роль для маскулинности и феминности, существуя лишь внутри творческой динамики, где ни одна из сторон не доминирует и не контролирует другую. Трансформация отношений может

²³ Percy Bysshe Shelly, «A Defence of Poetry».

произойти только в процессе истинного понимания разницы между убийством и жертвоприношением. В обоих случаях уничтожается или подавляется энергия, но мотивы этого подавления совершенно разные. Убийство уходит своими корнями в потребность Эго во власти и доминировании. Жертвоприношение имеет в своих истоках стремление Эго подчиниться управляющему центру Самости с целью трансформации удобных, но губительных энергетических структур в творческий поток жизни. Очень часто мы можем распознать это лишь ретроспективно.

Заключив такой союз, возрожденная фемининная душа создает в теле свет сознания. В непрерывном процессе просветления она становится материальной благодаря мудрости, открывшейся ей навечно через ее материальность. Она воплощает возродившуюся телесность и становится невестой для своего истинного жениха. Значит, чтобы понять фемининное сознание, нужно отдать должное сакральному таинству его творческого самораскрытия. Это именно то, что миф об убийстве дракона отвергает как всеохватывающий мрак и даже как Тень бессознательной фемининности, демонически пародируя его как мистификацию и выходки Сатаны.

Находящийся в теле свет – это свет, проникающий в душу через органы чувств. Он отличается от духовного света, который внезапно заявляет о себе, изменяя вибрацию каждой клетки, до которой он доходит. Например, пианист может так усовершенствовать свое искусство, что его фемининный психический сосуд станет особо чувствительным. Но та или иная трансценденция может совершиться в том случае, когда пианист станет столь же восприимчивым к духу. Когда душа открывается духу, фемининность и маскулинность обретают способность к творчеству. Тогда музыкант и его слушатели вместе превращаются в музыку – музыку высших сфер.

Осознающая себя дочь, дева, сидящая на коленях осознающей себя матери, – это образ души, живущей во имя собственных ценностей, потребностей, возможностей. Они обрели свою основу в теле, все клетки которого настроены на малейшие перемены в гармоническом спектре души, способной открыться для более тонких изменений.

В этой главе я периодически обращалась к выражению Китса «сотворение души». Завершая главу, мне хотелось бы привести отрывок из письма, в котором он впервые изложил свою мысль, считая ее настоящим открытием. «Совершенно серьезно, – писал он, – я полагаю возможным, что эта Система сотворения Души могла бы стать Родительской для всех остальных, более или менее похожих и совсем особых Схем Возрождения, существующих у зороастрийцев, христиан и индусов»²⁴.

Исходя из собственного опыта Китс пришел к убеждению, что сам по себе творческий процесс породил названные выше схемы возрождения, отличающие разные мировые религии, и тем самым объединил их. Китс настаивал на том, что все человечество связано единой религией души, которую можно назвать «психологией», поясняя, что постижение души важнее поклонения ей. В поклонении есть опасность обожествления человеческих сил, и тогда они принимают застывшую, догматическую форму. Китса же больше интересовал сам процесс, чем его результат, процесс, в котором предпочтение отдается отношениям партнерства, а не монолитной связи.

Затем Китс (170 лет назад) тщательно исследует новое сознание, и это чрезвычайно важно. Ниже я приведу фрагмент из его «азбуки», в котором он обращается к первой детской книге, написанной на бумаге, в деревянном окладе, покрытом прозрачным роговым слоем. Благодаря прозрачности этого слоя ребенок постигает слово сердцем точно так же, как взрослый человек учится постигать сердцем жизнь.

Я назову мир *Школой*, созданной, чтобы обучить маленьких детишек читать, – я назову человеческое сердце *азбукой*, которую дети читают в этой школе, и я назову способного читать Ребенка *Душой*, сотворенной этой

²⁴ См. прим. 2 на с. 21.

школой и ее *азбукой*. Неужели вы не видите, как необходимо этому Миру Боли и Страданий научиться Разуму и сотворению Души, места, где сердце может чувствовать и страдать тысячью разных способов! По своей сути это не Сердце Азбуки, это – Библия Разума, это опыт Разума, это учебник, из которого Ум или Разум могут почерпнуть свою сущность... А каковы же подтверждения существования человеческого сердца, если не укрепление или изменение его природы? А какова его измененная сущность, если это не его Душа? – и чем была его Душа перед тем, как прийти в мир, обладая этими доказательствами, изменениями и совершенствами? И Разум – без Сущности, и как следовало создать эту Сущность? Посредством Сердца? А как сердцу стать этим Посредником в этом Несовершенном мире?²⁵

Действительно ли тяжесть ужасна, а легкость восхитительна?

Самое тяжкое бремя сокрушает нас, мы гнемся под ним, оно придавливает нас к земле. Но в любовной лирике всех времен и народов женщина мечтает быть придавленной тяжестью мужского тела. Стало быть, самое тяжкое бремя суть одновременно и образ самого сочного наполнения жизни. Чем тяжелее бремя, тем наша жизнь ближе к земле, тем она реальнее и правдивее. И напротив, абсолютное отсутствие бремени ведет к тому, что человек делается легче воздуха, взмывает ввысь, удаляется от земли, от земного бытия, становится полуреальным, и его движения столь же свободны, сколь и бессмысленны.

Милан Кундера. «Невыносимая легкость бытия»

Парили рыбы в вышине,
На дубе зрел ранет,
Когда при огненной Луне
Явился я на свет:
С ужасным голосом, с моей
Ушастой башкой —
Насмешка беса надо всей
Скотиной трудовой;
Каприз неведомых владык,
Их воли злой печать, —
Гоняйте, бейте, я привык,
Мне есть о чем молчать.
О дурачье! Мой лучший миг
Отнять вы не смогли:
Я помню стоголосый крик
И ветви пальм в пыли.

Г. К. Честертон. «Осел»²⁶

²⁵ Там же.

²⁶ Из сборника «Дикий рыцарь», пер. М. Бородинской.

Страх *есть* материя, а материя так же свободна, как свет. Единственный способ его избежать – вспомнить свое происхождение. Все мы – порождение света, от низших до высших, от улиток до астронавтов.

Фред Алан Вольф. «Звездная волна»

Глава 2. Волшебники, трикстеры и клоуны: проявление маскулинности в зависимостях и пристрастиях

*Овладевая, ты всегда теряешь.
Данте. «Божественная Комедия»*

Одна из причин рационализации нашего поведения заключается в том, чтобы замаскировать совершаемое действие. Объяснение того или иного поступка может совершенно не отражать его истинной причины и даже быть связано с волей кого-то другого. Мы говорим, что, например, «дьявол нас попутал». Поступки человека, подверженного зависимости, совершаются под воздействием «кого-то», кого зависимый не знает, но кто должен быть удовлетворен. Если неизвестный «кто-то» не получает удовлетворения, последствия могут стать катастрофическими. Неизвестный «кто-то», находящийся внутри зависимого человека, почти всегда является убийцей.

Как правило, повернуться лицом к убийце – значит обратиться к бессознательному. Убийство совершается, пока жертва находится под анестезией зависимости. Возвращаясь в сознание, зависимый человек видит орудие убийства. Вот использованная игла, рядом – пустая ампула; вот начатый, оставленный на завтра торт. Налицо все доказательства убийства. Жив ли этот зависимый человек? Быть может, он при помощи какого-то колдовства вернулся к жизни? Самая серьезная проблема в лечении зависимых людей заключается в том, что они живут в заколдованном состоянии. Они вовсе не мертвы, они живы. Вернувшись к нормальной жизни, они могут вновь совершить еще одну попытку. Попробовать еще раз испытать на себе это колдовство. Ощутить на себе его воздействие. Их вера возрастает. Счастливый шанс игрока! Всякий раз, убив себя, они оживают как по мановению волшебной палочки. Зависимые люди живут не по законам природы, а по законам колдовства. Всем ведает и руководит маг и колдун.

В своем диалоге «Ион» Платон с большой долей иронии описывает последователей Бахуса, отравленных своим кумиром. Во время ритуального танца, трижды совершая магический круг, «вакханки, когда они одержимы, черпают из рек мед и молоко, а в здравом уме – не черпают»²⁷. Если же мы решим помочь зависимым людям вновь прийти в сознание, мы должны постараться понять то колдовство, которое превращает воду в райское молоко, даже если наше понимание отнимет у них богов и лишит их ложного ощущения нуминозного. Они впали в заблуждение, и до тех пор, пока мы потворствуем этому колдовству, мы поощряем это заблуждение, которое ведет их к саморазрушению.

Разумеется, возникает вопрос: «Какой колдун превращает явления природы в дьявольскую насмешку над священнодействием?» Пресуществление²⁸ – часть таинства святого причастия, ритуала, который должен совершать стоящий у алтаря католический священник: тело Христа, которое символизирует пресная лепешка, вкушают коленапреклоненные верующие. Хотя в ритуальном действе зависимого человека такого пресуществления не происходит, подверженные зависимости люди тянутся к объекту своего желания, словно он столь же сакрален, как воплощенное в хостии²⁹ Христово Тело. В данном случае эпитет «табуированный» оказы-

²⁷ См. Roger Ingpen and Walter E. Peck, eds., *The Complete Works of Percy Bysshe Shelly*, vol. 7, p. 238–239. (Платон. *Ион*. Пер. с др. – гр. Я. М. Боровского.)

²⁸ «Через освящение хлеба и вина совершается изменение всей субстанции хлеба в субстанцию Тела Христа Господа нашего и всей субстанции вина – в субстанцию Его Крови; это изменение Католическая церковь справедливо и точно назвала пресуществлением» (Декрет о Святой Евхаристии Тридентского собора (1545–1563 гг.), гл. 4). – *Прим. ред.*

²⁹ Круглый листок из пресного теста, от лат. *hostia* – «жертва», название евхаристического хлеба в католичестве латинского обряда. – *Прим. ред.*

вается точнее, чем «сакральный», ибо «табуированный» одновременно означает сакральный и запретный, магически притягательный и отталкивающий.

Если вы собираетесь освободить человека от зависимости, нужно обязательно распознать и раскрыть колдуна, обладающего столь мощной магической силой.

Часто дети закономерно обожают родителей или же заменяющие их родительские фигуры, например, священников или министров; эти взрослые становятся носителями магических проекций. Если подрывается доверие, которое появилось вместе с проекцией, может возникнуть зависимость. Если отношения между родителями и ребенком построены на физическом или психологическом насилии, любовь противоестественно отождествляется с запретным объектом, который ассоциируется с насилием. Суть любой формы зависимости заключается в радикальной потере доверия.

Зависимость возобновляет травмированное отношение к телу. Действия родителей в прошлом могут превратить тело ребенка в табуированный объект. В таком случае ребенок бессознательно заключен в темницу своего тела, как пленник, и не имеющий возможности им распоряжаться.

В романе Клода Тарда «Сладкая смерть»³⁰, книге, которая может разрушить даже веру заядлого любителя сладкого в «две груди из ванильного мороженого с двумя сосками из вишневых леденцов»³¹, девушка подписывает «пакт о смерти», решив покончить с собой из-за любви к сладкому, наблюдая и сознавая чудовищные превращения, которые претерпевает ее тело. Таким образом она мстит своей «правильной» матери, которая хочет, чтобы ее дочь была худенькой и красивой. В самом конце книги молодая женщина осознает, что «основной причиной» зла является ее зачатие³². Она не была дочерью того блондина, которого считала своим отцом. Ее родным отцом был темноволосый испанец.

В последней сцене женщина съедает свадебный торт, который заказала по случаю своего торжественного бракосочетания со смертью. Описав произведение кулинарного искусства, «сияющее серебристым жемчугом сахарных кристалликов, покрытых карамелью», она продолжает:

Самую верхушку торта украшала традиционная брачная пара – жених и невеста: он – во всем черном, она – вся в белом; они держатся за руки, и на губах у них обоих застыла натянутая одинаково пустая ярко-розовая улыбка. Наивный образ величайшей человеческой иллюзии. Ибо что могут сделать сейчас эти двое, поднявшиеся так высоко, но вынужденные скатиться вниз с отвесной горной скалы и закончить свою жизнь, как мухи, прилипшие к липкой бумаге жизни?.. Я говорю горькую правду, материнское молоко отчаяния, оно прогоркло и его заменили искусственным... мне, темноволосой карлице, тупой и достаточно хлипкой физически, мне, невежественному маленькому чудовищу... с глазами цвета сажи, напоминающими темное, несмываемое пятно.

Мои глаза цвета чернил. И маленькие кулечки розовых конфет, скрытые в тени лампы. И черный яд скорпионов.

А сейчас, двадцать лет спустя, меня, наконец, осенила истина. Глупое маленькое чудовище, я оказалась слепым воплощением предательства.

³⁰ Claude Tardat. Une mort sucrée. Mazarine (Paris), 1986. История самоубийства 20-летней девушки, страдавшей ожирением. – Прим. ред.

³¹ *Sweet Death*, p. 100.

³² Там же, p. 95.

Внезапно я вообще лишилась имени. Безымянная среди безымянных, я даже не знаю имени того испанца³³.

Предательство детской реальности превратило тело девочки в полновластного тирана; все ее способности оказались в его полном подчинении.

Темная мать – зловещая мать – изо всех сил сопротивляется свету, который выявляет ложь. Не пробужденная духовным светом природа или вовсе не соприкасается с душой, или слепо защищает ее от нестерпимой боли. Перед человеком стоит задача раскрыть предательство доверия, которое привело к разрыву связи между телом и эго-сознанием.

В сновидениях зловещая мать может появляться в образе погруженного в болото полусонного крокодила; при этом ее огромная энергия дремлет: она инертна, неподвижна и совершенно бездуховна. Она постоянно вызывает у сновидца усталость. Она может появляться в сновидениях в любое время, но на поздних стадиях анализа сновидцу понятным ему способом сообщается о том, что прежде, чем он обретет духовное зрение, ему придется погрузиться в самые глубины психики.

Иными словами, прежде чем мы ощутим в себе духовность, должна освободиться жизненная сила в самой глубокой чакре, открытой всем земным энергиям.

Именно здесь зависимость может оказаться королевской дорогой к бессознательному, но иногда эта дорога может привести на скотный двор – прямо в ясли, где лежит божественный младенец, и тогда мудреца будет очень сложно отличить от скотины. Опасность рецидива зависимости побуждает избавившихся от нее людей смотреть на мир широко раскрытыми глазами, теперь уже в полной мере сознавая, что зависимость принесла им страдания, которые привели их к воссоединению со своим телом на очень глубоком уровне, к осознанию света в своем теле и любви Софии, освещающей изнутри всю жизнь. На таком уровне сознания они могут извлечь силу Самости, чтобы постепенно, шаг за шагом, обратиться к самой мрачной стороне своей зависимости.

Способность к извлечению божественной силы нашла свое исключительное выражение в учении ислама о Судном дне. Согласно легенде, Фатима, дочь Магомета, в этот день снимет свою чадру, как только перейдет мост Сират. Этот мост острее лезвия меча и тоньше человеческого волоса. Он соединяет Землю и Небо. Под ним слышится тяжкое дыхание Преисподней. Снятие чадры Фатимой символизирует в исламе появление осознающей себя феминности, соединяющей правоверных с Аллахом через пророка Магомета. Этот апокалиптический союз подобен союзу жениха и невесты, описанному в Книге Откровения Иоанна Богослова.

³³ Там же, р. 114–115.

Союз невесты и жениха (тела и духа) (Антонио Канова, 1757–1822, Лувр, Париж)

Фатима, как невеста, снявшая чадру и соединившаяся с божественным, становится неким аналогом Христа, который в притче о возвращении предстает в образе жениха, пришедшего в полночь к мудрым девам, которые наполнили свои светильники маслом, чтобы отвести их на брачный пир. Неразумные же девы,

взявши светильники свои, не взяли с собою масла: мудрые же, вместе со светильниками своими, взяли масла в сосудах своих; и как жених замедлил, то задремали все и уснули. Но в полночь раздался крик: «вот, жених идет, выходите на встречу ему». Тогда встали все девы те и поправили светильники свои. Неразумные же сказали мудрым: «дайте нам вашего масла, потому что светильники наши гаснут». А мудрые отвечали: «чтобы не случилось недостатка и у нас, и у вас, пойдите лучше к продающим и купите себе». Когда же пошли они покупать, пришел жених, и готовые [пойти] вошли с ним на брачный пир, и двери затворились³⁴.

В этих образах жениха и невесты можно усмотреть состояние зависимого человека, шаг за шагом ведомого Самостью. Раскрывшаяся София, или Премудрость, видится переходящей через опасный мост Сират, который соединит ее с объектом желания, тогда как лежащая под мостом пропасть, кишущая ложными устремлениями, ждет лишь одного ее неверного шага.

Очень важным в лечении зависимости становится подчинение власти, превышающей власть Эго, которой Эго научилось доверять, преодолевая испытанное в детстве предательство. С возрастом доверия усиливается сознательная связь между телом и Эго; обостряется чувствительность к психической и физиологической отраве, и тело обретает способность к самоочищению. По выражению одной женщины, «Самость постоянно выталкивает наверх всю предысторию». Другая женщина выразила это так: «Прежде я могла съесть дюжину банок ореховой пасты. Теперь мой желудок начинает протестовать, если я съедаю одну». Третья ворвалась в мой кабинет и, смеясь, заявила, что стала совершенно сознательной, потому что раньше она могла выпить лошадиную дозу алкоголя, а теперь ее организм реагирует даже на один глоток. Концентрация, требуемая для поддержания напряжения, нашла отражение в следующем выражении пациентки: «Я говорю не об обжорстве шоколадом. Моя душа на костре: она привязана к столбу и корчится в пламени. Я думала, что боролась со своим слабоволием. Теперь я считаю, что борюсь с силами и убеждениями, которые на виду у всех пытались погубить мою душу. Я даже в течение часа не могу быть довольна собой».

Эти женщины кроме анализа проделали большую работу, продолжавшуюся более пяти лет, чтобы установить связь между душой и телом, и стали воспринимать свою зависимость как указанный Самостью путь, ведущий к осознанию и переживанию перевоплощения. На первой стадии самым болезненным у них было ощущение, что чем больше они погружались в работу с телом, тем сильнее у них обострялось ощущение заброшенности и тем явственнее становилось желание сохранить существующую зависимость. Если же им удавалось удержаться от этого гипнотического притяжения, они ощущали, как их тело превращалось в раздувшегося тирана. Тому, кто стоял между ним и райским молоком, грозила символическая смерть. Выдержав это напряжение, они достигали самого ядра травмы: тело превращалось в тирана, так как подчинялось колдовскому заклятию, неподвластному законам эго-сознания. Независимо от того, на чем именно держалась власть родительских образов – на великодушии или насилии, – тело ребенка считалось объектом, который следовало наполнить или опустошить, наказать или сделать предметом игры.

Родители могут праздновать победу над ребенком, но, в конечном счете, нет никакой радости в том, чтобы одержать верх, применяя силу, даже если эта сила искусно замаскирована. Доминирование есть владычество, и тело, которое подверглось насилию, очень твердо усвоило его уроки. Оно превращается в покинутого властелина, лишённого благотворного воздействия любви. Оказавшись в изоляции, оно становится одержимым, цепляется за вещи или людей, наделяя их волшебной силой. Попадая в зависимость от этих талисманов ради обре-

³⁴ Евангелие от Матфея: 25: 3–10.

тения хоть какого-нибудь жизненного смысла, тело становится беспощадным в своем требовательном стремлении овладеть ими и установить над ними контроль, стремясь как можно дольше продлить ту фантазмагорию, в которую оно больше не верит.

Я не вижу смысла в том, чтобы заставлять родителей чувствовать себя виноватыми. Каждый из нас – продукт современной культуры, одобряющей конкуренцию и стремление к власти. Едва ли мы осознаем, что такое любовь, сосредоточенная в теле. Мы порой смешиваем ее с сексуальностью и путаем с неудовлетворенностью. Однако истинная любовь пронизывает каждую клетку нашего тела. Она сразу распознается животными, детьми и даже некоторыми взрослыми, которые или родились вместе с ней, или обрели ее через страдания и лишения. Тонкая позолота вины не может скрыть ощущения заброшенности, лежащего в ее основе. Наша задача – изменить сложившуюся психодинамику.

Неодолимое чувство заброшенности, заставляющее страдать множество людей, уходит своими корнями не в сиротство, не в запущенность ребенка, а в одиночество детской души. Проецируя на ребенка его искусственный образ, родители тем самым уничтожают реального ребенка – того, которого оставили родители, и он лишается ощущения своего Я и потому вынужден уйти глубоко в себя. Именно вследствие этого широко распространенного насилия возникает чувство стыда, связанное с каким-то неизвестным ребенку проступком, из-за которого он ощущает чувство вины. Сны, в которых совершается убийство или возникает изуверченный труп, сообщают о предательстве, которое не перестает ощущать и взрослый человек. Например, когда над отношениями нависает угроза опасности, взрослый человек покидает ушедшего глубоко в себя ребенка, который по-настоящему честен; затем взрослый снова надевает маску, старается быть ласковым и сохранить отношения любой ценой. Существуют два уровня вины: «Я виноват в том, что я такой, какой есть» – и на более глубоком уровне: «Я покинул самого себя».

Покинутый человек становится жертвой колдуна, который пользуется его одиночеством, играет на отчужденности, воздействует волшебными чарами на ту область, где, по его мнению, обитает душа, а затем резко разрушает иллюзию. Темная часть колдуна уводит зависимого человека все дальше и дальше в тот таинственный мир, где царит смерть; его светлая часть, воплощаясь в образе мудрого старца, может открыть перед освобожденной душой творческий путь. Подлинность чувства становится лезвием бритвы, разделяющим два этих мира. «Я не прав, я виноват, я жертва, я заслуживаю наказания» – эти слова приводят к колдовскому заклятию и зависимости. «Я не оставлю себя, я не виноват, я останусь тем, кто я есть» – эти слова открывают путь к таинству и творчеству.

Юлия была зависимой, ее детская вера в отца была сломлена; помимо всего прочего, он смущал ее своими насмешками. Он оказался тем колдуном, который каждый раз во время вечерней сказки очаровывал ее, заставляя забыть о печали, и в то же время еще глубже нагонял на нее тоску.

Чтобы избежать предположения, что каждый отец, читающий маленькой дочурке ночную сказку, бессознательно втягивает ее в свою эротическую фантазию, следует кое-что сказать об этих особых отношениях, на которых постепенно фокусировался процесс анализа.

Отец был очаровательным пуэром («вечный юноша»), воображение которого строило дворцы там, где другие люди видели лишь развалины. Отстранившись от жены, считавшей его идеализм угрозой материальному достатку и благополучию семьи, он обратился к дочери, в которой искал для себя главную психологическую поддержку. Он старался защитить дочь, когда она была еще мала, от внезапных эмоциональных взрывов матери, которые часто кончались рукоприкладством. В результате Юлия стала повсюду его сопровождать, куда бы он ни направлялся, и самым счастливым временем детства считала часы, которые проводила у него в студии или сидя на его коленях, декламируя стихи или напевая песни. Казалось, они объединились против безразличного, если не враждебного им мира ради духовного наслаждения.

Это наслаждение они получали вместе, когда воображение дочери подпитывалось отцовским вдохновением.

Мир, в котором пребывали отец и дочь во время совместных чтений, был тайным драгоценным миром, который ассоциировался с запретной «вершиной». Волшебник-отец психологически соблазнял свою дочь. Ребенок чувствовал стыд, но стыд совершенно непреодолимый, ибо он рождался в интимной атмосфере, создававшей отцу ореол божественности. Они оба оказались во власти странного таинственного ритуала. Каждый раз девочка проверяла присутствие волшебной силы, стараясь понять, может ли она прекратить плакать, находясь в одиночестве. Такой контроль постепенно привел к тому, что она утратила связь со своими телесными ощущениями. Несмотря на то что в памяти Юлии не было следов физического насилия, психологическое предательство привело к расщеплению души и тела, т. е. по своему воздействию походило на настоящий инцест.

По всей вероятности, встревоженный эмоциональной насыщенностью этих отношений отец постоянно надламывал их и подрывал безграничное доверие своей дочери. Юлия очень любила сказку Ганса Христиана Андерсена «Девочка со спичками», в которой речь идет об одинокой девочке, потратившей накануне Нового года последнюю спичку, чтобы согреться и оживить свои фантазии. Когда кончаются спички, девочка замерзает. Эта сказка об отношении матери к дочери, у которой единственным защитником от матери был отец, выполняла терапевтическую функцию. Девочка верила, что, читая эту сказку, отец не только почувствует ее состояние, но и укрепит в ней веру и окажет поддержку. Однако, услышав взрыв его смеха в ответ на свои слезы, она ощутила, как грубо он растоптал ее веру. Она превратилась в ту маленькую девочку, последняя спичка которой погасла вместе с взрывом отцовского смеха. Ужас еще более усугубился с появлением матери, которая надавала ей шлепков, приговаривая: «Не позволю, чтобы моя дочь выросла плаксой».

Такие травмирующие эпизоды часто повторялись в ее близких отношениях. Попадая под власть волшебного мира безграничной близости, она сразу предчувствовала мертвящее дуновение, которое должно было разлучить ее с волшебником и со своим телом, застывшим в невыраженных эмоциях. Уже погрузившись в бессознательное, она просто исчезла под шлепками матери. Эта травма позже стала проявляться в бессознательном создании ситуаций, где она манипулировала мужчинами с тем, чтобы впоследствии пережить их предательство. Еда и секс стали для нее той самой коробкой спичек, опустошив которую она умерла бы голодной смертью. Она ела и занималась любовью, стараясь заполнить вакуум – свое травмированное тело, которое из-за ее отчуждения всегда оставалось пустым.

Юлия сбросила лишний вес, а затем стала посещать сессии, на которых работала над установлением связи между душой и телом. На этих сессиях ей пришлось столкнуться со своей уязвимостью, когда полнота уже исчезла и появился ужас, что ее бросит любимый мужчина. Ей неоднократно снился сон, в котором возникал образ привлекательного мужчины в накинутом на плечи развевающимся черном плаще и широкополой шляпе – образ волшебника, который имел власть давать или отнимать жизнь. В следующем сне это был обожаемый ею отец, которому она старалась доставить удовольствие. Он же считал, что она сама виновата в том, какой стала. Детские отношения, поддерживавшие в ней жизнь, сейчас предстали для нее в ином свете. Проекция, которую она направляла на мужчин, опять возвратилась к ней.

Я присутствую на судебном процессе. Суд происходит в моей церкви. Мой отец – судья на кафедре. Я приговорена. Приговор неизбежен. Знаю, меня признают виновной в том, какой я стала. Я стою сохраняя достоинство перед отцом-судьей, но испытываю ужас, так как слышу лай голодных псов во дворе на кладбище и понимаю, что в наказание за мое преступление меня швырнут им на растерзание.

В этом сновидении мы можем увидеть, как отец, пусть даже совершенно бессознательно, передает свою дочь. Будучи уверенной в том, что он понимает ее сочувствие к покинутой всеми девочке из сказки, Юлия сразу отстранилась от него эмоционально, замкнулась в себе, когда он расхохотался при виде ее слез. Ее чувства были вытеснены в ее тело, которое символически трансформировалось в ужасных собак, угрожающих растерзать ее столь же яростно, как она сама накидывалась на еду.

Весьма существенно, что отец появляется во сне в образе, символизирующем патриархальность: судья, епископ, бог отец, – но не проявляет любви лично к Юлии. Реальный мужчина превратился во внутреннего колдуна. По сути, та энергия, которую она однажды спроецировала на отца, стала проецироваться на возлюбленного; отсутствие опоры в жизни (мать фактически ее бросила) теперь вынуждает ее цепляться за него как за мать; страх потерять его вызывает в ней навязчивую потребность в еде (сладость материнского кормления). Голодные собаки во дворе были готовы уничтожить все, что она в себе отрицала: чувства, слезы, сексуальность. Но если так, как же ей найти выход? Разъярить отца – значит лишиться этого мира. Таким образом, она винит себя за неприятный исход их совместной волшебной жизни, ее сердце рвется на части. Привести в ярость своего возлюбленного означало для нее еще раз кинуть прощальный взгляд на гаснущий свет последней спички. И она подавляла в себе истинные чувства, ожидая смертельного приговора.

Назначенное в сновидении наказание отцовского комплекса исходит из места, где расположены его, а теперь и ее отвергнутые чувства, клокочущие в яростных инстинктах, запертых в церковном дворике. В сновидении Юлия не обладала ни маскулинной силой, чтобы сдерживать собак, ни фемининным телесным Эго, находящимся в контакте с землей, чтобы как-то усмирить их. Захваченная перфекционистскими идеалами – на одном витке спирали были проблемы, связанные с приемом пищи, на другом – проблемы идеальных отношений с мужчиной, – она оказалась во власти своих фантазий. Она сопротивлялась самой материи, самой жизни. Таким образом, ее тело, не сумев стать хранилищем любви, стало источником собственного отвержения в образе искалеченной, страдающей женщины, вынудив ее стать ригидной и непроницаемой для света.

Стремясь стать «достаточно красивой» в глазах своего возлюбленного, Юлия дошла до анорексии. Ее НЕТ еде постепенно превратилось в эротизированное НЕТ, заряженное эйфорией голодания. НЕТ своим чувствам, НЕТ своим инстинктам, всем своим сновидениям о страстной любви между ней и ее волшебником или ее возлюбленным. Во время голодания она чувствовала себя красивой, здоровой, чистой, вполне подходящей для возлюбленного. В разгар поста она услышала демонический смех колдуна-отца, который требовал своего, увлекая ее к совершенству смерти. Однажды она увидела в отце источник света; теперь она таким же увидела своего возлюбленного. Проецируя божественное деяние на человеческое существо, она создала образ волшебника, который швырял ее из состояния величия в состояние отчаяния. Она снова начинала объедаться, бессознательно соединяясь с матерью, по которой очень тосковала, и, не имея возможности ее любить, совершала над ней насилие. В этом насилии было навязчивое стремление овладеть любящей матерью даже через смерть – даже через собственную смерть. Так удавалось на короткое время умиротворить демона, пока душа под обезболивающим действием углеводов погружалась в глубокий мрак, который магически мог бы превратиться в свет.

Любому зависимому человеку эти крайности очень хорошо известны. Тело-под-контролем – это ненавистный деспот, который изо всех сил сопротивляется свету, потому что существует без любви. Голодные псы на дворе ее тела символизируют отвергаемые инстинкты, которые тщетно пытаются добиться, чтобы их услышали. Юлии необходимо установить с ними связь, последовательно и недвусмысленно выражая свою любовь. Став жертвой необузданных

инстинктов, можно прийти к безразличию в выборе партнера, которое, как и неразборчивость в еде, свидетельствует о разрыве связи между инстинктом и чувством.

Раннее телесное расщепление, необходимое для выживания, в среднем возрасте начинает обнаруживаться при работе с телом и душой, а также в сновидениях. После нескольких лет такой работы Кейт поняла, что ответственность за ее сексуальные проблемы лежит именно на ней. Привнести их в отношения со своим партнером означало разрушить все, что они так кропотливо создавали вместе. К счастью, ее партнер оказался очень чувствительным человеком, он тоже работал над собой и преодолевал свои трудности. Он ощутил произошедшие в ней едва заметные перемены и мгновенно на них среагировал, изменившись сам и создав предпосылки для раскрытия новых возможностей в их отношениях. Каждый из них независимо совершал внутреннюю работу, впитывая в себя общий материал, проявлявшийся в их взаимоотношениях, и тем самым создавая новые условия для приложения совместных усилий. Таким образом, вместо взаимных проповедей они привнесли осознание в свои взаимоотношения. Разумеется, возникали и противоречия, но при этом они не приводили к взаимным бессмысленным нападкам. Ярость, накопленная у обоих полов, корнями уходит в многовековую историю насилия. Взаимные нападки в состоянии одержимости не имеют ничего общего со свободой.

В процессе работы над телом, погружаясь в ядро своего страха, Кейт обнаружила там гнев. Затем она осознала, что боялась его выразить, опасаясь дать волю своей ярости. Таким образом она подавляла гнев, усиливая контроль над собой, но при этом всегда оказывалась на периферии своих чувств. Словом, возникал порочный круг, и тогда ее страх на нее же и обращался. Пока она переживала этот внутренний раскол (изоляцию от своих чувств), когда границы ее личности постоянно нарушал отец-алкоголик, должна была оставаться некая часть личности, которую она не могла осознать.

«Я всегда избегала всего, что могло бы вызвать у меня боль от ощущения внутреннего расщепления, – говорила Кейт. – Я должна была стать способной выдерживать эту боль. Если Это сохраняет достоинство в отношениях с Самостью, оно должно быть достаточно сильным, чтобы справиться с расщеплением. В самом центре должно быть свободное место, чтобы я могла его занять».

Вот как она переживала это расщепление на сессии (в скобках – мои наблюдения):

У меня возникло болезненное ощущение, настоящий страх, что я схожу с ума. Я перевернула всю свою жизнь, стала изворотливой и злой. В детском возрасте мне приходилось раздваиваться, чтобы просто выжить. *(Вздыхает, шумно выдыхает, вжимается в сиденье – приподнимается, порывается встать.)* Если я себе это позволю, то сойду с ума. В таком случае вы сможете опять меня взять к себе? *(Бледное лицо, отсутствие эмоций, протрация.)* Я вас уничтожу. *(Руки, ступни, тело и лицо искривлены; издает хриплые звуки, обнажает передние зубы. Плюет, челюсть трясется.)* Я ничуть не хуже вас. Вы больше меня не достанете. Вам больше не удастся меня провести. Я такая же хорошая, как вы. Я наплюю тысячью мелких брызг, и вам никогда меня не достать. У вас никогда не получится меня заклеить. Вы сделали меня больной глубоко внутри. Вы позволили мне ощутить, насколько я ужасна. *(Подпрыгивает.)* Я рассыпаюсь на миллионы частичек. Попробуйте, найди те меня, а?

Нет. Там? Нет. Кто я? Здесь? Нет. Кто я? Здесь?

Нет. Попробуйте угадать. Вот она я. Вот кто я такая. Вы совершенно не знаете, кто я на самом деле. **ВЫ НЕ ЖЕЛАЕТЕ ЗНАТЬ, КТО Я ТАКАЯ.** Если бы я смогла вам сказать, я бы это сделала. Вы думаете, что можете сделать меня ручной? Вам никогда меня не достать. Вы считали меня дурой – ДУРОЙ.

А я от вас ускользаю. Никому не позволю себя погубить. (*Шепот.*) И вам не позволю меня трясти. (*Пристально изучает свои руки, успокаивается.*)

Придя в себя, Кейт сказала: «Я испугалась, что дошла до такой крайности. У меня дрожит спина».

В этой дрожи выразилась ярость, которая подавлялась много лет. Если сосредоточенная в теле травма проявляется в терапевтической ситуации, как это случилось в случае с Кейт, происходит глубинное очищение. Как только осознаются подавленные энергии, больше нельзя не обращать на них внимания, не подвергая опасности физическое здоровье. Поскольку эти энергии относятся к первичным, базисным, лишь очень немногие из нас позволяют себе дойти до этих хтонических глубин. Но в сновидениях часто с чердака или откуда-то из подвала вырывается психотический персонаж. Полный бешеной ярости, он бежит по всему дому, иногда нападая на людей, вызывая у них дрожь. Если возникает страх перед одержимостью гневом, то человеку бывает легче выразить свой гнев. Гнев вырывается с индивидуального уровня психики, ярость – из ее архетипического ядра.

Если человеку в детские годы никогда не приходилось сталкиваться с предательством, вызвавшим травматические последствия, процесс расщепления (внутренней разобщенности) может стать преобладающим, а потому – автономным. Человек перестает осознавать свое поведение, в особенности если такое поведение периодически приводит к результатам, противоположным сознательным намерениям. Это становится столь ослабленным, что не может противостоять даже неадекватному поведению или исходной травме. Предательство в детстве не осознается как предательство.

У молодого мужчины, которого звали Кит, мать умерла, когда он был еще подростком. Он не осознал, что в момент смерти мать покинула его, как и не осознал, что так же точно он покинул самого себя. Бессознательно он считал себя виноватым в ее смерти, и его чувство вины не получало внешнего выражения, ибо он не мог в нем себе признаться. Его неспособность принять смерть матери, которую он обожал, привели к фантазиям, что ради нее он должен стать совершенным. В итоге он потерпел ряд неудач в осуществлении своих самых продуманных планов. Сам того не сознавая, он с двенадцатилетнего возраста оставался в плену травматического переживания.

Находясь под воздействием травмы, которую можно было бы считать причиной его повторяющихся неудач, он описал на уровне фантазии, в чем именно состояло его поведение. Постепенно он стал замечать, что живет в фантазии, которую принимает за реальную жизнь. Признав это, он впервые сопоставил два мира. В процессе такого соединения фантазии и факта он нашел возможность излечить психическое расщепление: фантазия идет одним путем, факты – другим, и при этом один путь исключает другой. В первый раз его поразило, что оба пути открыты, так как они могут существовать одновременно. Возможность вписаться в жизнь стала для него реальностью, которая теперь обязательно подкреплялась фантазией. В свои практические планы на будущее он стал закладывать возможности, которые теперь стал считать реализуемыми.

Постепенно Кит ощутил, что освобождается от вездесущего бессознательного, которое обкрадывало его жизнь. Он почувствовал, что мог бы вступить в контакт с человеком, в котором на определенном уровне осознания он видел себя. Вот описание ситуации в его представлении:

С утра я готовлюсь к уроку. В моем портфеле нет учебников, поскольку у меня их нет вообще. Есть лишь тетрадка с вырванными листами, но в ней нет ни одной записи, поскольку я ничего не записывал. В моем портфеле лишь кроссовки и плеер. Я перестал думать о подготовке к урокам. Моя подготовка заключается в отсутствии подготовки.

По дороге в университет я не уверен, что все-таки до него доберусь. Попасть туда – значит быть уверенным в том, что я туда не собирался. Я приезжаю туда и вместе с тем не приезжаю. Я снимаю переднее колесо с велосипеда, снимаю цепь и запираю на замок. Теперь я собираюсь пойти на урок, а это все равно, что сказать, что я не собираюсь идти на урок. Я подхожу к двери класса. При этом опаздываю приблизительно минут на пять. Я уже готов толкнуть дверь и войти, что означает, что я не собираюсь туда входить. Две вещи – делать и вместе с тем не делать – слиты воедино. Делать и не делать – это одно и то же. Чтобы войти в класс, туда не следует входить. Чтобы не войти в класс, туда следует войти. Когда я готовился к урокам, я решил войти в класс. Я могу это сделать единственным способом: не входить в него. Я поворачиваюсь спиной к двери и выхожу из университета. Поступив таким образом, я вошел в класс.

В своей фантазии Кит совершает то, чего не делает в реальности. По сути, такое поведение отвечает реальности, которая отвергает фантазию, а то и вовсе ее уничтожает. Реальность – это учебный тест, точная дата написания сочинения, оценка за текущие лабораторные работы, которые он никогда не выполнял. По всем трем предметам он отстает, причем отстает основательно, поскольку не выполняет тест, не пишет сочинение и получает за лабораторную работу ноль. Провозглашаемая им реальность отсутствует. С другой стороны, фантазия ему говорит, что он присутствовал на уроках, не присутствуя там. Он написал сочинение потому, что не написал его. И получил превосходную оценку за лабораторную работу, потому что не сделал ни одного опыта. Он не боится неудачи в том смысле, как ее понимают другие; его неудача, по его мнению, заключается в том, что он не довел до совершенства свою фантазию. Не начав действовать, он не может потерпеть неудачу. Он убежден, что все это знает, и в уме он уже все совершил. Но в какой мере его фантазии отвечают реальной ситуации? Дважды потерпев неудачу, он говорит: «Нет, мой разум не дает ответа. Я точно все это знаю».

Затем он встречает молодую женщину, и впервые после смерти матери устанавливает с ней истинно человеческие отношения. Он противопоставляет своему отсутствию не фантастическое присутствие матери, а реальное присутствие молодой женщины своего возраста, образованной, экстравертированной, прекрасно чувствующей свое тело. Она заключает в себе все, что ему не хватает в жизни. Будучи такой непосредственной личностью, она действительно отвечает его фантазии. Сексуальность, связь его тела с ее телом, открытие истинного Другого, тело, отличное от его собственного, – все это снимает тяжкое бремя избыточных фантазий, возникших из-за болезни и смерти его матери. Он снова вернулся к жизни – той, которая остановилась в двенадцатилетнем возрасте и продолжалась лишь в фантазиях, – и к реальности.

То, что испытывал Кит, входя в класс, не входя в него, было травматическим переживанием, вызванным смертью матери; с этой травмой он никогда не сталкивался напрямую. Он так и не сказал матери последнее «прости», и потому не знал точно, жива она или нет. Он никогда по-настоящему не ощущал предательства и не чувствовал себя покинутым. В конечном счете, он стал запрещать себе выполнять какие-либо действия, и это повторялось снова и снова, так как он не попрощался с умершей матерью. Он не знал, когда входил в дверь, окажется ли за дверью его мать или нет, и даже не был готов это узнать. Его мать умерла. Бессознательно он не знал, что она умерла. Он был не в состоянии проверить это в реальности. Но, полюбив молодую женщину, его тело научило его двум вещам: его мать умерла, а его возлюбленная жива, то есть люди умирают, а жизнь продолжается. В настоящее время он изо всех сил старается усвоить, что войти в дверь – значит войти в дверь.

Образ этого молодого человека служит воплощением незрелой маскулинности многих зависимых женщин, которые видят во сне некую катастрофу, и у них возникает непреходящее чувство иррациональной вины за то, что они когда-то бессознательно совершили. Их подав-

ленная агрессивность делает их послушными. Реагируя так на свою зависимость, они теряют самих себя. Несмотря на телесное присутствие, их личность полностью отсутствует. Если они вступят в контакт с первичной травмой и в результате появится позитивная маскулинная энергия, которая поможет им вернуться к реальности, их развитие продолжится начиная с того возраста, в котором оно затормозилось. Если эта энергия появляется в образе юноши, женщина может обнаружить в себе сильное эротическое влечение к подросткам. Несколько свиданий при луне становятся куда более раскрепощенными и страстными, чем в юности. Нереализованная сексуальность вызывает эффект повторяющихся приливов, которые не только распространяются по всему телу, но и возбуждают спящие области психики. Связь с женщиной, которая испытывает влечение и воображает его как экспансию, фактически представляет собой слияние в единое целое, ибо ее целостность зависит от наличия Другого. Такого подросткового томления, характерного для романтической любви, во время которой годы бессознательной тоски по потерянной матери сменяются периодом ненасытного наслаждения, которое скорее ослабляет, чем укрепляет связь с реальным миром.

В мифологии это состояние передается через образ Парсифаля в романтической повести Кретьена де Труа (ок. 1185 г.), представляющей собой одно из первых описаний поиска Святого Грааля. Грааль – это кубок, из которого на Тайной Вечере причащались Христос и Апостолы и который, согласно легенде, привез в Англию Иосиф Аримафейский. Однако в повести Кретьена де Труа не дается никакой христианской интерпретации существования Грааля. Парсифаль остановился в замке Короля-Рыбака, где оказался свидетелем таинственного ритуального шествия, во время которого вынесли окровавленное копье и сверкающую золотую чашу. Отец и два старших брата Парсифаля погибли в рыцарских сражениях, когда он был еще мальчиком. Он обещал матери, которая смертельно боялась за судьбу единственного оставшегося в живых сына, что станет рыцарем при условии, что будет почитать дам, регулярно ходить в церковь и не задавать вопросов. Таким образом, посвящение Парсифаля в рыцари состоялось под влиянием его боязливой матери, а потому его первые представления о Граале скорее походили на темную утробу его старой матери, чем на священный сосуд. Затем чаша становится воплощением поврежденного фаллоса ее сына – окровавленного копья, представшего взору Парсифаля. Следуя наставлениям матери, он не решается задать ни одного вопроса о том, что увидел. На следующее утро замок Короля-Рыбака исчезает.

Юнг был убежден в том, что в образе Парсифаля воплотился архетипический образ маскулинности, чрезвычайно характерной для XII в. Парсифаль ведет себя так же, как Кит, который входит в класс, не входя в него. То, что предстает перед ними обоими, одновременно существует и не существует, а если и существует, то в мире, где все происходит «однажды». Ни Кит, ни Парсифаль, затерявшись в подростковом бессознательном, не представляли себе, что поиск идеализированной матери своего детства, тайно направлявший их поведение, – это раненный в погоне за сияющим сосудом фемининности фаллос. Пока маскулинность скована материнской фантазией, существует опасность превращения обряда инициации (в любом возрасте) в ритуальную кастрацию.

Неумение задать вопрос: «Кому служит Чаша Грааля?» – оставляет Парсифаля в объятиях изможденной матери, единственное желание которой – защитить от жизни и держать в психологической зависимости плод ее усохшего чрева. Кроме того, эта неудача оставляет в бездействии старого Короля-Рыбака. По мнению Кретьена де Труа, сначала Парсифаль совершал свои рыцарские подвиги бессознательно. Не умея себя оценить и отождествляя себя со своими деяниями, он тем самым отрицал содержащееся в них психологическое развитие. Так, например, поклявшись служить деве Бланшфлер и доблестно освободив от врагов ее владения, он даже не подумал попросить ее руки. Реальная претензия на ее руку – это уже осознание смысла собственных поступков. Но вместо этого он вновь пускается на поиски матери.

Парсифаль Кретъена де Труа символизирует Анимус многих современных женщин, незрелая маскулинность которых не может сказать НЕТ зависимости, налагающей на них заклятие, которое заставляет их томиться в тюрьме бессознательной матери. (Колдунья Кирка превращала спутников Одиссея в свиней, животных Матери-Земли.) Слишком часто женщины путают свою уязвленную, а по-тому слишком чувствительную маскулинность со стремлением воссоединиться с отвергавшей их матерью. В таком случае их неизбежно привлекает мужчина, занятый бессознательными поисками потерянной матери. Они находят в нем воплощение своей собственной потребности в воссоединении. В результате Парсифаль-возлюбленный неизбежно уводит их в материнскую обитель, в тот самый темный подвал их зависимости.

Анимус в образе Парсифаля-подростка – это маменькин сынок, в действиях которого отсутствует чувство реальности. Это сын, выросший без отца. Возможно, он несет в себе материнскую духовную проекцию, а потому лишен связи со своим телом и земным чувством. Его теневой стороной может быть ведомый дьяволом фаталист, постоянно соблазняющий зависимого человека пройти по краю пропасти. На внешнем уровне жизнь становится такой пустой, что лишь флирт со смертью позволяет сознанию ощутить вкус жизни. На более глубоком уровне сверхъестественные усилия избежать мрачного, инертного существования позволяют осознать смысл жизни в течение нескольких мгновений.

Женщинам с Анимусом такого типа снятся тореадоры, акробаты, автогонщики, водители скоростных катеров, астронавты и водолазы. Их собственная цыганская Тень становится естественным партнером для совершенных мужчин, которых мало заботит их собственная жизнь. Их соединяет связь любовь-смерть; их страсть становится анестезией, позволяя им, рискуя, использовать магию, способную их уничтожить. Их реальный вклад заключается в том, чтобы вместе ощутить смерть во всей полноте. Это вечные альпинисты, карабкающиеся по отвесной скале на самый ее пик.

Женщинам, страдающим анорексией, часто снятся любовники, которыми управляет дьявол. Они служат воплощением деспотизма духа, лишённого тела. Таким воплощением может быть художник-гомосексуалист, обожающий изумительное строение ее тела и посвятивший себя тому, чтобы воплотить ее красоту в мраморе. Когда это молчаливое совершенство полнеет, он идет дальше, выискивая другое совершенное лицо. По отношению к ней как к женщине он испытывает не больше чувства, чем испытывает она сама по отношению к своей женской Тени. Они оба совершают убийство своей истинной маскулинности и фемининности.

В реальности, когда цыганская Тень встречается с порхающим пуэром, жизнь становится безрассудно привлекательной и заманчивой. Если они вступают в брак и у них появляются дети, «цыганка» может превратиться в ответственную, но чем-то постоянно обиженную мать и требовательную жену. Подрезав своему «летуну» крылья, она его приземляет. Тогда ей становится с ним скучно; она может найти убежище в зависимости или же найти себе другого спутника. Таким образом, колесо будет совершать один оборот за другим, пока не вмешается сознание.

Я не собираюсь иронизировать по поводу таких партнеров. Многие мужчины и женщины в моем кабинете проливали горькие слезы по человеку, который принес глоток свежего воздуха и луч света в их мрачную пещеру. «Я снова ожил(а), – говорили они, – и не могу вернуться обратно». Играя с детской непосредственностью, сосредоточившись на игре так, что просветляется воображение, можно впервые или в очередной раз активизировать спящую энергию. Если юный Парсифаль сможет задать вопрос, который принесет осознание, даже «летун», которого подрезали крылья, сможет вновь их расправить.

Рассмотрим случай Энн, стремящейся после развода организовать новую жизнь для себя и своих детей.

Энн влюбилась в мужчину, спроецировав на него свои духовные ценности и полностью поверив в возможность создания с ним тех отношений, которые, по ее мнению, можно было

назвать длительными. Но тут ее друг встретил другую женщину. В отчаянии Энн занялась игрой с образами. Она нарисовала портрет злого колдуна (см. рисунок), превратившего ее в жертву своих прихотей.

Она принесла этот рисунок мне и положила на кушетку, словно желая излить свою печаль и гнев. Позже обсудив, что это могло бы означать, мы решили попробовать перевернуть изображение вверх ногами. Тогда мы увидели не колдуна, а круглое лицо смеющегося клоуна. Мы не могли поверить в то, что увидели. Совершенно не осознавая этого, Энн, изображая злого колдуна, нарисовала самого настоящего клоуна. Совмещение в одном изображении столь парадоксальных ракурсов так ее изумило, что она даже рассмеялась.

В бессознательном всегда имеется возможность для такого парадокса. Сознанию остается лишь рассмотреть ситуацию иначе: перейти от единственной точки зрения Эго, подвластной колдуну, к надличностному видению, которое символизирует клоун, способный ощущать тра-

гедию и вместе с тем наблюдать ее со стороны. Клоун знает, что боль возникает, когда нам приходится пожертвовать всеобъемлющим эгоцентричным обладанием, и делает нас очень чувствительными к потерям, но при этом клоун признает отчуждение, которое ведет к свободе. Энергия клоуна сосредоточена на тончайшей грани между слезами и смехом, индивидуальной и божественной комедией. Шутливая концентрация, обыгрывающая противоположности и выплескивающаяся за их рамки, и есть та энергия, которая может изменить колдуна.

Мерлин – архетипический волшебник с чертами клоуна. Он сын дьявола, рожденный от девы. В силу своего происхождения он олицетворяет очень важный трансформирующий образ для зависимых людей, ибо сочетает свет Люцифера и земную суть полностью сформированной юной женщины.

На первый взгляд, его двойственная или даже многомерная природа и его мошеннические и клоунские черты придают ему качества Мефистофеля, но его знание прошлого и предвидение будущего свидетельствуют о более высокой степени осознания по сравнению с королем Артуром и его рыцарями, которые, действительно, совершенно бездумны и бессознательны. Именно благодаря этой более высокой степени осознания, Мерлин, как и Грааль, действует как форма спроецированного сознания, поскольку он обнажает человеческие ошибки и преступления. Будучи пророком дьявола, отправленным в мир Сатаной, он и проявляет себя как Антихрист...

Благодаря материнской добродетели, дьявольское наследие Мерлина не может проявляться автономно. Дьявольские черты проявляются в его колдовских чарах, в проделках над людьми и в желании их одурачить. Но, в общем, ни одна из этих черт не является пагубной³⁵.

Образ Мерлина особенно значим для людей с явно выраженными психическими контрастами, ибо он близок к природе, воплощает божественную энергию и позволяет сдерживать напряжение противоположностей. Как клоун, он компенсирует ригидность истощенного коллективного сознания, открывая путь к иррациональным глубинам с присущим им богатством инстинктивных и архетипических энергий. «Таким образом, Мерлин становится... целостным человеком... в нем живет обычный человек, целостность которого выходит за обычные рамки»³⁶. Черты клоуна придают его образу функции целителя; при этом становится заметно его одностороннее, эгоистичное, трагическое развитие. Именно Мерлин указал Парсифалю путь к замку Короля-Рыбака.

Поиск основанных на любви связей между существующими противоположностями – духом, лишенным телесности, и бессознательным телом – оказался самой трудной задачей в процессе анализа Бриджитт. Угнетающая ее энергия заставляла ее психический маятник качаться из стороны в сторону: от света – через положение равновесия – к темноте и отчаянию.

Бриджитт – женщина, которая в результате ошибки врачей лишилась первичной связи с матерью. Когда она родилась, матери отдали чужого ребенка. Спустя какое-то время эту ошибку обнаружили, но ее мать уже привязалась к другому ребенку. Таким образом, Бриджитт стала для своей матери не реальным ребенком, а постоянным напоминанием об отсутствующем ребенке. В результате Бриджитт выросла, культивируя в себе скрытое отчуждение к самой себе, как если бы у нее за спиной или у нее внутри находился другой человек – настоящая дочь ее матери. У этого отчужденного Я преобладало характерное стремление к совершенству, возникшее под влиянием теневого Анимуса.

³⁵ Emma Jung and Marie-Louise von Franz, *The Grail Legend*, p. 355.

³⁶ Там же, p. 365.

Очень рано ее тело (которое она бессознательно не могла целиком ощущать как свое из-за нарушенной связи с матерью) утратило способность расслабляться и двигаться, используя собственную энергию. Она металась из одной крайности в другую: от лжеконтроля и тотального контроля до полного отсутствия контроля. Этот поведенческий паттерн проявлялся в ее пристрастии к еде, к покупкам, в том, как она тратила время и деньги. Почти в каждой сфере жизни она постоянно переходила от пиршества к голоданию. Больше всего ее беспокоило, что ежегодно ее вес значительно изменялся и разница в весе достигала 35 фунтов³⁷. Такие колебания веса вызывали у нее сильную тревогу.

Наконец, в один из выходных она оказалась в больнице. Вспоминая это потрясение и последующие изменения в своей жизни, она писала:

Я думала, что моя усталость была вызвана накоплением постоянно действующего стресса. Он заглушал мою способность распознавать странные симптомы. Бог знает, откуда у меня стресс! Теперь у меня к тому же и диабет! Он погубил веру в то, что мое тело сможет принять пренебрежение и совершенное надоедание мной. Я поняла, что относилась к телу как к барже, нагруженной всяческими стрессами. Я пихала в него пищу, лишь бы заглушить его усилия, направленные на то, чтобы рассказать мне о своей боли. Я не могла его услышать, и до сих пор оно чувствует, будто несет на себе непосильную ношу. Я считала себя непобедимой и потерпела поражение. Очень печально думать о том, что я больше не буду хозяйкой жизни, которую выбрала, но если бы это со мной произошло до того, как был открыт инсулин, то я бы уже скоро умерла.

Я была в ужасе. Посмотрела на дворик, где толпились пожилые люди, страдающие диабетом. Слепота, ампутация ног, проблемы с сердцем и почками – меня больше пугает полная таких страданий жизнь, чем сама смерть.

Я не понимала, как все случилось. Совершенно точно, что я не хотела, чтобы у меня был диабет. Я никак не могла понять, как постоянная страсть к еде, с самого детства, могла привести к столь губительным последствиям. В конце концов, я старалась быть хорошим человеком. У меня никогда не возникало мысли о самоистязании.

В то время именно ужас подвиг меня к тому, чтобы взять на себя ответственность за состояние своего тела. Я четко осознала, как сильно хочу жить. Я хотела сделать все от меня зависящее. Раньше я никогда не понимала, что мое пристрастие к еде притупляет способность отдавать. Мне следовало научиться любить свое тело, научиться использовать пищу для того, чтобы о нем заботиться.

Мне пришлось столкнуться лицом к лицу со своей зависимостью. Я знала все подробности о питании своей души. Если рассуждать рационально, все это имело смысл. Совершенно иная задача – применить эти знания. Мне следовало изучить свою душу и ее потребности, как я изучила свое тело и все, что ему необходимо.

Едва перешагнув тридцатилетний рубеж, Бриджитт оказалась под угрозой серьезного заболевания, исход которого – диабетическая кома и смерть. Не имея той самой первичной связи, она старается открыться для принимающей фемининности. Когда она впервые осознала свое положение, Анимус стал больше, чем обычно, истязать ее тело. Она проявляла исклю-

³⁷ 35 фунтов – почти 16 кг. – *Прим. ред.*

чительную настойчивость в точном измерении количества съеденной пищи и длительности упражнений. Ее тело реагировало периодически возникающими симптомами: напряжением в спине, спазмом в левом бедре, онемением левой стороны шеи и левого плеча. (Все симптомы относились к левой стороне тела, символически связанной с фемининностью.) Пытаясь все подвергать анализу, она по-прежнему мучила свое тело. Страх неопределенности возрастал, как только она фиксировала повышенное содержание сахара у себя в крови. И она снова очутилась в больнице.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.